

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІХ.

1897.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
--	---

А. С. Ланно-Данилевскій. Обраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе Екатерины II.	1
А. А. Кочубинскій. Территорія доисторической Литвы	60
Д. М. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера (продолженіе)	96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. О. Платоновъ. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774. Исслѣдованіе Н. Д. Чечулина. С.-Пб. 1896	170
А. И. Соболевскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. А. Лазаревскаго. III. Кіевъ. 1896	176
А. И. Соболевскій. Сборникъ историко-филологическаго общества при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Томъ I. Кіевъ. 1896.	177
Н. П. Некрасовъ. Синтаксисъ русскаго языка, сличенный съ синтаксисомъ классическихъ и церковно-славянскаго языковъ. Составилъ и издалъ Н. Я. Киріакосичъ. С.-Пб. 1896.	179
— Книжныя новости.	196
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ).	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Объ окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ въ 1894 году.	1
— Наши учебныя заведенія: I. Императорскій университетъ св. Владиміра въ 1895 году	34
— II. Императорскій Варшавскій университетъ въ 1895 году.	41
— III. Кавказскій учебный округъ въ 1895 года.	47

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Α. Παπαδόπουλος-Καραμείος. Συγγραφὴν φιλολογικῶν ποδαπῶν τετραχῶν	1
А. I. Малемнъ. Марціалъ о своихъ стихотвореніяхъ (продолженіе).	18

ОВЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го января).

ТЕРРИТОРІЯ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТВЫ.

Quis est, quem non moveat rerum gestarum memoria consignataque antiquitas?

Cicero.

Исторія весьма скудна извѣстіями о сикъ древнихъ и коренныхъ, но не разнскиханыхъ сикъ ордахъ (то-есть, литовцахъ).

Митрон. Еженій.

Историко-этнографическое изученіе юго-восточной части низменности Балтійскаго побережья выносить на свѣтъ одинъ, въ высшей степени любопытный, фактъ по общему вопросу о доисторическомъ заселеніи Восточной Европы, путяхъ или направленіи, по которому должно было совершиться послѣднее. Мы имѣемъ въ виду фактъ постепеннаго, хотя и медленнаго, отступленія здѣсь стихій финской подь давящимъ напоромъ стихій арійской, фактъ поступательнаго движенія литвоарійца въ направленіи съ юга на сѣверъ.

Раскроемъ этнографическое размѣщеніе въ настоящую минуту самой западной вѣтви финскаго племени, — той вѣтви, имя которой носить цѣлая губернія — *ливовъ*, и что же видимъ? Въ губерніи ливовъ ни малѣйшаго остатка отъ финскаго господина края — вездѣ на его мѣстахъ латышъ (самъ онъ себя называетъ *Latwis*, *Latwoetis*, какъ величаетъ его и его южный братъ — литовець: *Liatwis*, у старыхъ русскихъ латышъ, край — летгола, отъ *gâlas* — край, конецъ). Но совсѣмъ захудалые потомки стараго фина ютятся, въ видѣ небольшихъ рыбацкихъ поселковъ, въ числѣ 2 тысячъ, въ губерніи болѣе къ западу — въ Курляндіи, на ея сѣверномъ мысу, по показанію однихъ изслѣдователей — на береговомъ пространствѣ между Лужкоюлемъ и Мустану-

момъ, по показанію другихъ—на пространствѣ нѣскольکو бльшемъ—отъ Люзерорта и почти до Роена при Рижскомъ заливѣ. Въ толщину эта береговая полоса моряковъ-ливовъ—отъ мыса Домеснеса по прямой линіи на югъ—максимумъ 30 верстъ. Болѣе тощія данныя предлагаетъ новѣйшая карта маститаго знатока латышской этнографіи—д-ра пастора А. Виленштейна, въ его огромномъ трудѣ „Die Grenzen des lettischen Volksstammes...“⁴, съ атласомъ въ 7 картъ, С.-Петербургъ, 1892 г., болѣе снисходительныя—въ трудѣ генерала А. Ф. Риттиха, что на 20 лѣтъ раньше: „Матеріалы для этнографіи Россіи Прибалтійскій край“ (С.-Петербургъ, 1879), на этнографической картѣ, въ приложеніи. Если уже г. Риттихъ отмѣтилъ, что ливы переходятъ въ латышей (стр. 14), то, надо думать, послѣднія микроскопическія владѣнія на нашей землѣ ливовъ, какъ они очерчены у г. Виленштейна, вполне точны. Въ 20 лѣтъ ассимиляціонный процессъ шелъ своимъ путемъ; ему не было предѣлъ оставаться, и онъ остановится только на самомъ береговомъ пескѣ мыса Домеснеса, когда не будетъ болѣе матеріала...¹). Въ виду этой неминуемой перспективы для бѣдныхъ ливовъ, нельзя не спросить съ укоромъ себя, почему эти представители человѣчьей породы хуже звѣриной породы зубровъ? Въ интересѣ сохранности вымирающаго вида мы такъ заботимся о животныхъ обитателяхъ Бѣловѣжской пушчи: ужели менѣе интересенъ вымирающій типъ человѣка, нѣкогда полновластнаго господина той страны, которая теперь называется по преимуществу страной латышей—Latwija, или Курляндія?.. Я по крайней мѣрѣ такъ не думалъ бы. Нѣмцы въ Германіи ждутъ—не дождутся исчезно-

---

¹) По устнымъ сообщеніямъ, сдѣланнымъ мнѣ въ Ригѣ въ августѣ текущаго года во время X Археологическаго съѣзда отъ мѣстныхъ латышскихъ наблюдателей: отъ уважаемаго д-ра Вебера, издателя латышской газеты „Balva“ (Голосъ), и др., въ настоящую минуту только еще старики говорятъ по-ливски, другія же поколѣнія уже знаютъ одинъ латышскій языкъ. Повторяется то же, что было съ русскими Трансильваніи въ началѣ 40-хъ годовъ. Отсутствие сообщеній (рыбацкая лодка или телѣга на 160 верстъ—сравни и слова г. Риттиха о недоступности земельки ливовъ въ указанномъ сочиненіи) воспрепятствовало мнѣ исполнить экскурсію туда. Д-ръ Веберъ собирается проѣхать къ ливамъ для антропологическихъ измѣреній. По его словамъ, ливскій типъ отличается темными волосами и карими глазами. Извѣстно, что литовскій типъ—идеаль бѣлорусаго аріида. Но латышъ Курляндіи—съ наклонностью къ темнымъ волосамъ, слѣдовательно, и наружный покровъ говоритъ о смѣшанности. Другіе показываютъ, что ливы въ послѣднее время возрасли числомъ до 4 тысячъ, хотя лѣтъ 20—30 было всего 2 тысячъ, но языкъ ихъ—латышскій.

венія съ поверхности земли серба-лужичанина, этого малютки-народа славянской породы, которому, въ порядкѣ вещей, предстоитъ судьба бѣдныхъ ливовъ. Но какъ сербы-лужичане, такъ и ливы, какъ рѣдкій типъ историческаго человѣка, заслуживали бы такого же теплаго попеченія, какъ и зубры, и консервированіе ихъ, отвѣчая интересу человѣческой любознательности, невинное въ политическомъ отношеніи, было бы вполне достойно истинно образованнаго общества.

А было время, и время не слишкомъ далекое отъ насъ, время появленія воинствующихъ монаховъ изъ Германіи на устьѣ Двины, когда еще ливъ если не давалъ уже тонъ жизни въ краю, то тѣмъ не менѣе находился въ положеніи, напримѣръ, современнаго зубра въ известной пущѣ. Въ половинѣ XIII вѣка въ Курляндіи, на старыхъ своихъ пепелищахъ, ливы, правда, главнымъ образомъ, ютятся уже у того же песчанаго берега моря, налѣво и направо отъ мыса Домеснеса; но по направленію къ югу, до самаго устья Нѣмана, по среднему и нижнему бассейну рѣки Винды, или Виндавы, на востокъ до Аа—они живутъ въ перемежку съ латышами, такъ что цѣлый край—Курляндія, именно западная часть, носитъ *смѣшанный* этнографическій характеръ—полуарійскій, полуфинскій, и этотъ смѣшанный типъ и сформировалъ такъ называемаго кура, старую Несторову Корсъ ¹⁾. И сейчасъ въ языкѣ литовца (*lietuvis* названіе для русскаго литовца, *lietuwininkas*—для литовца въ Пруссіи) мы имѣемъ глаголы *kursziŋji*—*kursziŋti*—*kurisch sprechen*, то-есть, говорить по-латышски, но „in kurischen Eigenthümlichkeiten“, по опредѣленію Куршата въ его словарѣ литовскаго языка, какъ говорятъ *kurszys*’ы, куры. Не касаясь типа, эти особенности рѣчи въ западной половинѣ Курляндіи, этой Латвіи, то-есть, латышскаго края по преимуществу, вотъ единственное осязательное воспоминаніе объ эпохѣ совмѣстнаго, смѣшаннаго сожительства ливовъ и латышей.

Но на сѣверо-востокѣ, налѣво и направо отъ нижней Двины, держась все морскаго берега, ливы тогда же, въ половинѣ XIII вѣка, жили болѣе или менѣе толстыми и плотными полосами. На сѣверъ ливская территорія доходила до р. Салиса (у нѣмцевъ Зались, у латышей Салеце), то-есть, до современной этнографической границы латышей и эстовъ, гдѣ и замерли ихъ послѣдніе звуки нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Вездѣ до самаго моря продвинулся ла-

¹⁾ Ср. въ старыхъ актахъ Лифляндіи и Курляндіи: *Kurgish*, *Kogschom*, *Kogschem*, *Kogschaw*—топонимическія имена, даже въ Илдукстскомъ уѣздѣ.

тышь и сформировалъ за Двиной вторую свою латышскую территорию, другую *Latwija*, другую Летгоду, выражался терминомъ нашей родной старины: это южная половина Лифляндіи, до межи, у которой ревниво оберегаетъ себя, свою неприкосновенность, особность эсть ¹⁾.

Въ виду указанныхъ измѣненій въ этнографическомъ характерѣ Курляндіи и Лифляндіи на относительно не крупномъ пространствѣ времени пяти, шести вѣковъ и въ чертѣ: Нѣманъ, Двина, Сались, самъ собою очевиденъ отвѣтъ на вопросъ—на чьей сторонѣ аборигенность, выводъ о первичности по всему юго-восточному берегу Балтійскаго моря финскаго элемента предъ арійскимъ, о ббльшей древности здѣсь вымирающаго лива предъ латышемъ. Старый господинъ страны уступилъ и далъ мѣсто новому.

Если аріецъ-латышь наступалъ на фiana-лива, все пробирался къ берегу моря, въ направленіи отъ юга и юго-востока, то онъ, латышь, какъ передовой полкъ литовца, отправною точкою для своихъ передвиженій могъ имѣть югъ—территориальное, болѣе южное расположеніе собственной Литвы. Здѣсь на югѣ операціонная база его, латыша, его старѣйшій этапъ.

Остановимся на формѣ расположенія Литвы въ настоящую минуту, этой исторической базы при послѣдовавшемъ наступательномъ движеніи латыша къ сѣверу.

Современная территория Литвы—это нѣсколько трапеція, одна, сѣверная, линия которой идетъ отъ Полангена (Мемеля) до Друи на Двинѣ. Это—сѣверныя части Ковенской губерніи и немного Виленской. Южная (меньшая) линия отъ Курскаго Гафа до мѣстечка Прелома на Нѣманѣ, нѣсколько ниже Гродна. (См. карту Куршата, при его грамматикѣ литовскаго языка, 1876 года).

Зерно территоріи—Ковенская губернія, старая наша Земьгола, то-есть, *žemė-gaīas*, полоса, край земли низменной (лит. *žėtas* низменный и *gaīas*—край), опирающаяся слѣва и съ юга на остатки Литвы прусской и литовцевъ царства Польскаго (остатки, вѣроятно, ятвяговъ), справа—на узкую ленту еще сохраняющейся Литвы Виленской губерніи, отъ Тверцы (Твегесъ) на Диснѣ (притокъ Двины) и до мѣстечка Кронъ на Нѣманѣ (выше Ковна). Эта этнографическая лента Виленской губерніи къ сѣверу уже, верстъ въ 35, шире на югѣ, около 60 верстъ.

¹⁾ Вполнѣ справедливо указано у Нестора: „Ляхове же и Пруси и Чудь при-сѣдять къ морю Варяжскому“. Чудь обнимала и ливовъ—„Либъ“.

Вѣ сопрякосновеніи съ Ковенской губерніей—небольшое пространство юго-запада Виленской губерніи—продолженіе указанной этнографической ленты, опирающееся на крайнемъ югѣ на небольшой литовскій этнографическій уголь Гродненской губерніи, по Нѣману между Ротницею (или Друскениками) и Преломомъ (Przełom). Все это пространство лежитъ по Нѣману, слѣдовательно на другомъ берегу его; это—литовцы царства Польскаго.

Таково расположеніе современной Литвы. Оно изъ двухъ неодинаковыхъ толщъ, по одну и другую сторону Нѣмана; ббольшая—на сѣверо-востокѣ, къ Двинѣ, меньшая—на юго-западѣ, до верховьевъ рѣчекъ Шешупы и Ангеаны (чисто литовскія названія). Вообще же территорія Литвы—небольшая, но больше, чѣмъ территорія собственно латышей. Но обѣ эти территоріи по сѣверной широтѣ—одинаковы, и латышскій пласть покоится во всю ширину свою на литовскомъ, отъ Полаангена до Друи, представляя извилистую этнографическую границу ¹⁾.

Край латышей, эта земля побѣдителя, земля, добытая отъ лива, въ общей исторіи арійской колонизаціи—пріобрѣтеніе вчерашняго дня. Слышится еще не только побѣдитель, но и побѣжденный—ливъ, въ лицѣ стариковъ.

Но съ инымъ характеромъ, смысломъ литовскій пласть, эта этнографическая база латышей, придвинувшихся къ самому морю. Это не край побѣды, это—воспоминаніе о бывшихъ отношеніяхъ, одно напоминаніе о бывшей территоріи Литвы, результатъ слагавшихся этнографическихъ условій противъ литовца, словомъ, *gegim gestagim*, положенія иного порядка вещей, *metogia*.

Въ самомъ дѣлѣ, Виленская губернія, этотъ ожидаемый нами земельный фондъ литовскаго арійца, уже уходитъ въ территорію *бѣлорусскую* племени, и сама Вильна уже за рубежомъ литовскимъ, на югъ отъ указанной узкой этнографической ленты; въ свою очередь, Виленская губернія покоится на центральной бѣлорусской губерніи—Минской, тянущейся на югъ вплоть до болотъ Приняти.

Не будемъ удивляться, если недостаточныя изслѣдованія въ области исторической этнологіи Россіи и, въ частности, юго-восточной

¹⁾ Эта граница на картахъ гг. Беценбергера, Виленштейна и новѣйшей—Смилна, приготовленной спеціально для прекрасной латышской этнографической выставки („Izstade“) по поводу Рижскаго Археологическаго съѣзда, различна главнымъ образомъ отъ различія извилинъ, что не нарушаетъ основнаго контура.

низменности Балтійскаго побережья могли еще недавно выдавать. какъ историческую аксіому, утверждение, что „народъ, собственно именуемый Литвою, былъ малочисленъ и занималъ пространство внизъ по рѣкѣ Нѣману отъ устья Виліи“, то-есть, современное этнографическое положеніе Литвы возводилось въ положеніе доисторическое, отъ вѣка де ненарушимое ¹⁾).

Но допустима ли подобная ненарушимость территоріи, ея постоянство, на пространствахъ вѣковъ?..

Что это за литовская этнографическая лента на сѣверѣ Виленской губерніи, облегающая Ковенскую губернію, этотъ фондъ современной Литвы, Ляту Царства Польскаго, и упирающаяся о литовскій хвостъ на сѣверѣ Гродненской губерніи: результатъ ли это поступательнаго движенія Литвы на бѣлорусовъ, или наоборотъ—свидѣтельство объ иномъ этническомъ строѣ и къ югу отъ нея, во времена былыя?..

Если латышъ наступалъ на финна, если здѣсь этническое измѣненіе территоріи шло въ направленіи отъ юга къ сѣверу, отъ болота къ морю, то уже въ виду одного этого явленія едва ли допустимо для территоріи Виленской губерніи явленіе обратное. Какъ бы то ни было, но судьбы этой этнографической ленты интересны. Что было раньше съ нею—уже она была, или шире? Новѣйшей она формации, вчера ли вошелъ литовецъ въ Виленскую губернію, свое историческое гнѣздо, подобравъ подъ себя русскаго, вчера ли только познакомился съ своей Вильною, хотя все еще не дошелъ до нея, а только до Трокъ, но надвигаясь, болѣе или менѣе равномѣрно, отъ всѣхъ точекъ своего южнаго расположенія на русскій юго-востокъ, или эта лента—только послѣдній остатокъ отъ нѣкогда густой и широкой этнографической литовской толщи, слѣды былаго расположенія литовца къ югу?

Есть ученые, которые въ имени рѣки Виліи слышатъ русское слово *велий, великій*. Они тѣмъ самымъ склоняются къ мысли о наступленіи Литвы съ сѣвера, о ея побѣдоносномъ шествіи среди русской стихіи, которая и отступаетъ... Но мы инаго взгляда, какъ это отчасти ясно и изъ предыдущаго.

¹⁾ Ср. „Собраніе древнихъ актовъ Вильны“ и пр. Вильна, 1842, 1, стр. V. Другіе впадали въ другую крайность, что въ одной Гродненской губерніи литовцевъ 100 тысячъ, а въ Виленской до 800 тысячъ. Ср. Венедикта „Леты и славяне“ въ „Чтеніяхъ Моск. Общ.“, 1846, № 6, гдѣ ссылка на польскую географію 1825 года. Впрочемъ, Венедиктъ при послѣдней цифрѣ ставитъ знакъ вопроса.

Оставивъ въ сторонѣ исторію, какъ не имѣющую рѣшающаго значенія для исторической этнографіи, сообразимъ слѣдующія обстоятельства:

1) Постепенное умаленіе территоріи литовцевъ въ Пруссіи шло и идетъ въ направленіи отъ юга къ сѣверу.

2) Расположеніе исчезнувшихъ лтяговъ, жившихъ на сѣверовостокахъ Царства Польскаго и нынѣшней Гродненской губерніи (ихъ вѣроятный остатокъ — литовскія крупицы въ этой губерніи), относительно территоріи современной Литвы было также южное, слѣдовательно умаленіе литовскаго элемента и съ этого конца, на нижнемъ Нѣманѣ, шло въ томъ же направленіи. Главное же—

3) Наблюдаемое явленіе медленнаго, безъ шума и безъ насилія, ассимилированія литовскаго элемента русскому на протяженіи указанной этнографической ленты, то-есть, въ сѣверныхъ частяхъ Виленской губерніи. На этнографической картѣ Куршата, то-есть, 1876 г., межа идетъ между Вильною и Троками, но ближе къ Вильнѣ. Но сейчасъ у Троковъ литовскій элементъ почти не замѣтенъ. Въ спорѣ—исчезающій языкъ не можетъ не отразиться хоть въ чемъ нибудь на языкѣ этническаго замѣстителя и, вѣроятно, будущія сравнительныя изученія бѣлорускаго нарѣчія откроютъ не одну черту инертнаго вліянія на него литовскаго элемента. Мы лично въ этой области не свѣдуши, но не можемъ не вспомнить здѣсь къ слову одно, отмѣченное специалистами, любопытное явленіе обратнаго характера—въ области литовскихъ говоровъ, и именно говоровъ на межѣ или вообще близъ этнографической межи литовца и бѣлоруса, напримѣръ, въ Вилкомирскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи.

По словамъ г. Яуниса, извѣстнаго туземнаго знатока литовскаго языка и образованнаго лингвиста. въ числѣ главнѣйшихъ отличій говоровъ вилкомирскихъ отъ западныхъ верхне-литовскихъ стоитъ и произношеніе древне-общелитовскихъ гласныхъ съ носовымъ, какъ чистыхъ долгихъ гласныхъ, при чемъ носовой *ам*, *ун* переходитъ въ *у*: вмѣсто *жансис*, *анса* (ушко), *анскунсти* (обвинять) произносятся—*жусис*, *уса*, *анскуст* ¹⁾). Предъ нами, такимъ образомъ, какъ бы во-

¹⁾ „Вилкомирскій уѣздъ“, Ковна, 1890, оттискъ изъ „Памятной книжки Ковенской губерніи“ въ 1890 г., изд. секретаря К. П. Гуковскаго, стр. 9. Усердный дѣятель, г. Гуковскій сдѣлалъ описаніе уже нѣсколькихъ уѣздовъ Ковенской губерніи. Будемъ надѣяться, что будутъ описаны и всѣ уѣзды столь интересной губерніи. Но нельзя не пожалѣть, что г. Яунисъ, литовскій католическій священникъ, перу котораго принадлежитъ діалектическая часть въ наданіяхъ г. Гуковскаго, служитъ теперь уже издали отъ родины, въ Казани.

очію явленіе изъ жизни русскаго языка, но въ доисторическую эпоху послѣдняго.

Но какъ объяснить любопытную черту вилкомирскаго говора? Не рѣшая вопроса, дозволимъ себѣ привести слѣдующія строки изъ того же описанія Вилкомирскаго уѣзда: „Здѣшній литвинъ живѣе и бойчѣе по характеру, чѣмъ жмудинъ... Находясь близко къ Вѣлорусіи, онъ раньше и глубже подвергся вліянію русскому; ему болѣе знакома славянская рѣчь, съ нимъ не такъ трудно разговариваться по-русски“ (стр. 8).

Всѣ эти обстоятельства указываютъ, что нынѣшняя южная граница этнографической территоріи Литвы не опредѣляетъ южнаго предѣла распространенія литовской стихіи въ болѣе раннее время, что по направленію именно къ югу литовская *территорія* должна была перетерпѣть очень много въ порядкѣ отступленія, что она теряла въ пользу напирющаго съ юга русскаго сосѣда, а сама постоянно отступала, съеживалась и суживалась въ направленіи на сѣверъ.

Измѣненіе этнографической карты литовской стихіи въ былое время по южной сторонѣ, въ ущербъ ея, шло, такъ сказать, параллельно измѣненію ея по сѣверной границѣ, но тутъ въ пользу ея, параллельно съ успѣхами ея передоваго полка—усиѣхомъ латышей—въ земляхъ ливовъ, пока, наконецъ, латыши не облегли своею массою огромной части Балтійскаго моря. Такимъ образомъ, если судьбы собственно литовской стихіи, основнаго корпуса, предлагаютъ страницы однихъ отступленій, то судьбы авангарда—латышей—страницы побѣдъ. Если нѣкоторые изъ современныхъ изслѣдователей указываютъ на выдающуюся роль школы и пасторовъ въ дѣлѣ перевода ливовъ въ латышей (напримѣръ, г. Ряттихъ въ указанномъ сочиненіи), то это условіе могло имѣть мѣсто для относительно новаго времени. Вѣдь не школа и не пасторъ были виновниками, что уже въ половинѣ XIII вѣка этнографическая картина нынѣшней Курляндіи представляла только небольшую прибрежную полосу *слошмаго* населенія ливовъ, а основной фонъ страпѣ давали куры, то-есть, помѣшанные старые ливы съ новыми арійскими колонистами-латышами (см. карту у г. Биленштейна, въ указанномъ сочиненіи). Во избѣжаніе недоразумѣнія отмѣтимъ, что, что касается латышскихъ островковъ въ Ковенской, сплошь литовской, губерніи, тщательно отмѣченныхъ на картѣ гг. Биленштейномъ и Силинымъ, то это не остатки былаго, а заносы новѣйшей формации. Прибавимъ, что, по нашимъ лучшимъ свѣдѣніямъ, латыши изъ Курляндіи охотно посѣщаютъ сосѣднія школы въ Ковен-

ской губерніи, вслѣдствіе экономическихъ и социальныхъ интересовъ.

Принимая въ общее соображеніе указаннаго обстоятельства относительно измѣненія литовской этнографической границы по южному протяженію,—измѣненія, не останавливающагося въ предѣлахъ Виленской губерніи и по настоящій день, мы не въ правѣ искать исходной точки этого измѣненія далеко на югъ отъ современнаго расположенія литовской стихіи, на примѣръ, для края, что на востокъ отъ средняго Нѣмана.

Но какъ давно и отъ котораго пункта могъ начаться этотъ процессъ исчезновенія литовской стихіи съ юга и претворенія ея въ бѣлорусскую?

Попытаемся поискать *территорію доисторической Литвы*, базы латыша, отбившаго южный и восточный берегъ (части) моря у стараго аборигена фипа. Нельзя ли будетъ указать, что прогрессирующее движеніе бѣлорусскаго элемента насчетъ литовскаго, теперь въ ограниченныхъ предѣлахъ сѣверной полосы Виленской губерніи, имѣло мѣсто когда-то раньше и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ современной бѣлорусской территоріи? При положительномъ отвѣтѣ, естественно, получится и особый взглядъ на этническую организацію бѣлоруссовъ, приблизительно, такой, какой мы имѣемъ на происхожденіе латышей-куроновъ Курляндіи: они—смѣсь двухъ арийцевъ-сосѣдей.

Мы указали выше, что географическая база современнаго расположенія Литвы, со включеніемъ Виленской губерніи—губернія *Минская*; болота послѣдней, пясскія, расположены болѣе или менѣе по меридіану области латышей и восточной Литвы. Остановимся на этой губерніи, привлекая отчасти и губерніи смежныя. Не дастъ ли Минская губернія, этотъ, повидимому, архибѣлорусскій край, какихъ либо instructивныхъ указаній по вопросу, насъ занимающему, по вопросу—гдѣ искать земель прадавней Литвы, ея доисторическаго этапа, доисторической стоянки? И сегодня справедливы слова знаменитаго нашего митрополита Евгенія: „Исторія весьма скудна извѣстіями о сихъ древнихъ и коренныхъ, но неразъсканныхъ сихъ ордахъ (то есть, литовцахъ). Тацитъ, давшій намъ хотя краткое понятіе о фивахъ и эстахъ, ничего не упомянулъ о литовцахъ“¹⁾.

¹⁾ Изъ письма отъ 4-го іюня 1820 г. къ Анастасевичу, изъ Пскова, по поводу сочиненія Лелевеля о „литовскихъ народахъ“ (*Русскій Архивъ*, 1889 г., № 7, стр. 361).

2.

Если археологъ языка, съ твердымъ, мотивированнымъ убѣжденіемъ, давно уже указываетъ на языкъ, какъ на богатый архивъ свѣдѣній по воскрешенію былой жизни человѣка, той или другой этнической группы или цѣлыхъ группъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ періоды различной давности—и въ ранніе историческіе, и въ недавніе доисторическіе,—то не безъ того же права, но еще о временахъ много древнѣйшихъ, друзья исторической этнографіи свидѣлствуются *топографическими именами*, то-есть, тоже языкомъ, но на специальной службѣ, особеннаго приспособленія, и препоручаютъ ихъ вниманію лингвистическаго изслѣдованія въ тѣхъ же научныхъ цѣляхъ—вскрытіе вѣковой завѣсы надъ вопросами перваго порядка—началомъ или раннимъ помѣщеніемъ того или другаго племени на землѣ.

Коснувшись области этихъ археологическихъ интересовъ, остановившись на минуту, остановимся на нѣкоторыхъ страницахъ исторіи русской науки.

Какъ относительно ни молода русская наука, но и ея учитель, наука Запада, не можетъ, безъ нарушенія справедливости, отказать ей въ своемъ вниманіи, и обязана отмѣтить на страницахъ общей исторіи движенія научной мысли имя и одного русскаго человѣка.

Извѣстны заслуги Адольфа Куна (Kuhn), этого скромно-идеальнаго директора Кѣльнской гимназіи въ Берлинѣ 60-хъ годовъ и великаго изслѣдователя раннихъ судебъ арийскаго человѣчества, который, какъ свидѣлствуетъ обычная лѣтопись науки, первый дозналъ и фактически указалъ историческое значеніе языка. Говоря это, мы имѣемъ въ виду его классическій этюдъ 1845 года, когда Кунъ былъ учителемъ той же гимназіи (род. 1812): „Zur ältesten Geschichte der indogermanischen Völker“. Черезъ нѣсколько лѣтъ этюдъ Куна вызвалъ въ свѣтъ знаменитый трудъ женева Пикте (Pictet), но уже въ масштабѣ грандіозномъ, по воскрешенію сѣдой первоарійской старины — *Les Origines Indo-Européennes*“, (2 тома, 2-е изд. — 3 тома).

Конечно, вполне правъ знаменитый нашъ критикъ-археологъ, покойный проф. А. А. Котляревскій, сказавшій, что въ настоящее время (конецъ 70-хъ годовъ) никто не рѣшится произвести такую же смѣлую попытку, какъ Пикте (*Кіевскіи Унив. Извѣстія* за 1876 г.).

Но, тѣмъ не менѣе, заслуги Куна и Пикте въ спора ¹⁾. Но первый ли высокочтимый Кунъ (котораго и мы лично имѣли честь знать и слушать его уроки въ Кѣльнской гимназіи) былъ тотъ, въ сознаніи котораго явилась мысль объ инструктивномъ значеніи языка для исторіи?

Откроемъ страницу исторіи русской науки 30-хъ годовъ, слѣдовательно, лѣтъ за десять слишкомъ до появленія этюда Куна, чтобы отвѣтить на вопросъ отрицательно.

Немногіе изъ насъ знаютъ, а если и знаютъ, то болѣе съ комической стороны, а за границею — въ предѣлахъ главной квартиры разработки языка — и совсѣмъ не знаютъ, имени неудачнаго выходца изъ венгерской Руси, изъ Карпатъ и Бессарабіи, лѣкаря, никогда никого не лѣчившаго, филолога-фантаста, имени злополучнаго Юрія Венелина-Гуца. Я не принадлежу къ глашатаямъ его славы; у него не было метода, приемовъ критики, но не могу не засвидѣтельствовать глубокой признательности предъ памятью этого замѣчательнаго автодидакта-историка, не могу во всеуслышаніе не исповѣдывать, что именно Венелину принадлежитъ право историческаго первенства относительно пониманія — но не осуществленнаго — высокаго архивнаго значенія языка для исторической науки. Его имя могло бы быть занесено —рго memoга — въ лѣтопись движенія научной мысли.

Еще въ 1832 году, ища мѣста профессора, онъ докладывалъ совѣту Императорскаго Московскаго университета: „языкъ относительно къ древностямъ представляетъ самъ собою одинъ изъ богатѣйшихъ музеевъ, въ которыхъ весьма многое переходитъ изъ старины... Познаніе языка составляетъ значительную часть курса древностей“. Таково пониманіе у Венелина роли языка для „воскрешенія усопшаго общества“, говоря его же языкомъ ²⁾.

Двоякаго пониманія этихъ замѣчательныхъ словъ лѣкаря Венелина быть не можетъ: въ нихъ ясна и опредѣлительна мысль автора, какъ плодъ его глубокихъ думъ надъ отношеніемъ языка и народа, надъ источниками исторіи эпохъ доисторическихъ. Тамъ, гдѣ этихъ

¹⁾ Детально несостоятельность идеалистическихъ воззрѣній на первоарійскій бытъ указалъ въ нашей литературѣ проф. В. Ф. Миллеръ, сначала въ своемъ докладѣ 22-го апрѣля 1876 г. въ Императорскомъ Моск. Общ. люб. естествознанія (*Извѣстія* этого Общ., т. XXVIII, 13), потомъ въ своихъ извѣстныхъ „Исслѣдованіяхъ“ по Ведамъ.

²⁾ Ср. нашъ этюдъ „Графъ С. Г. Строгановъ“, *Вѣстникъ Европы*, 1896 іюль, стр. 177.

источниковъ нѣтъ и быть не можетъ—письменныхъ, вещественныхъ— для явленій и отношеній сѣдой доисторической древности, тамъ въ языкѣ обрѣтается богатый, еще никѣмъ не исповѣданный источникъ, утверждалъ Венелинъ. Прибавимъ, что Венелинъ первый изъ русскихъ изучалъ *литвишскій языкъ* ¹⁾.

Та же роль языка и для эпохъ болѣе позднихъ, историческихъ, но темныхъ. Для иллюстраціи—одинъ примѣръ.

Остановимся на вопросѣ о времени и источникѣ христіанства среди латышей. Были-ли латыши сплошь упорными, дикими язычниками, безъ малѣйшаго просвѣта культурной жизни, въ эпоху появленія среди нихъ „воиновъ Христовой рати“, то-есть, нѣмецкихъ монаховъ-рыцарей, и проповѣдь христіанства среди нихъ вынуждалась-ли упрямою, отъ вѣка, привязанностью ихъ къ родной языческой старинѣ? Не было-ли уже этой проповѣди среди латышей и безъ меча, и до меча?

Ближайшее сосѣдство латышей къ Псковской и Полоцкой волостямъ—землѣ кривичей ²⁾, при участіи ихъ сѣверныхъ сосѣдей—финновъ—въ призваніи князей-основателей русскаго государства, дозволяетъ думать о возможности проповѣди христіанской съ востока, отъ русскихъ, ранѣе появленія кавалеровъ. Но, обратившись къ языку, мы убѣждаемся въ этомъ, какъ историческомъ фактѣ.

Вотъ нѣкоторые христіанскіе термины въ латышскомъ языкѣ; ихъ русское начало несомнѣнно:

kristiht (литов. *kriksstiti*)—крестить, при чемъ Ульманъ (Ulmann), въ своемъ „*Lettisches Wörterbuch*“, I Theil, Riga, 1872, замѣчаетъ, что слово устарѣло, а теперь слышится *krustiht*.

krusts—кресть (раньше, вѣроятно, *kristis*).

krustina—крестины, устарѣло.

krustaine—крещеніе, день 6 января, устарѣло.

Jahnis Kristitajs—Іоаннъ Креститель.

kristiti laudis—христіане, собственно, крещенные люди (крестьяне?).

basnisa (лит. *bažnucia*)—церковь, въ матеріальномъ значеніи, то-есть, изъ слав. *божница*.

mischa и *misa*—обѣдня, изъ слав. *мѣша*.

Swehtki—святки, свято: *wafagas Swehtki*—Троица, лѣтнія святки.

Ср. въ литовскомъ—*blowceisius, -iaus*, какъ пишетъ Куршаты въ своемъ

¹⁾ Въ указанной статьѣ въ *Чтеніяхъ* онъ говоритъ объ отношеніи *литвишскаго языка* къ латинскому.

²⁾ Отмѣтимъ, что и сейчасъ въ языкѣ латышей Псковъ слыветъ подъ своимъ старымъ именемъ—*Pleskawa*, съ удареніемъ на первомъ слогѣ—Плесковъ.

„Wörterbuch der Littanischen Sprache“; II Т., или правильнѣе — *blouisscsius*, какъ пишетъ Ludwik z Rokiewia (Яцевичъ) въ своемъ старомъ, но прекрасномъ трудѣ: „Litwa pod względem starożytnych zabytkow, obyczajów i zwyczajów“, Wilno, 1846, стр. 75, то-есть, наше Благовѣщеніе, 25 марта. Ср. и полный глаголѣ литовскій въ пѣснѣ: „Te *blagaszowij* Diewa twirtibe“, тамъ же, стр. 240, аналогическаго происхожденія.

nedele, nedeldiena—недѣля и воскресенье. (Названія для другихъ дней по русскому типу). Ср. *gadas*—годъ, *gadina*—година.

pekle, pekler (лит. *pekla*) изъ русск. *пекло*, но съ общимъ значеніемъ tiefer Abgrund, Mogast. Ср. русскую поговорку: болота, овраги — чортово житѣе.

kuhms, kuhma (литовск. *kūmas*) изъ нашего кумъ, кума; *kuhmnesci* Gevattern. Очевидно, слова: *kuhma-tehus, kuhma-mathe*, въ соотвѣтствіе: *krista-tehus* (крестный отецъ), *krista-mathe* и пр.—неправильныя образованія, ибо плеоназмъ.

Deewa dehl—бога дѣля—переводъ съ русскаго.

gawecht, лит. *gaweti*—постыться, изъ *юветъ*.

pagans—погань.

Къ христіанскимъ терминамъ присоединимъ термины бытовые, экономическіе, социальныя, и мы ясно видимъ, что латыши давно принадлежали русскому востоку, какъ его давнія духовныя дѣти, прямо входили въ сферу культурнаго вліянія древней Руси. Таковы термины:

Swahiti—сваты (литовск. *swótas*); *pahrlags*—перелогъ; *walaks*—волокъ; *pagasts*—погость. Справедливо замѣчаетъ новѣйшій изслѣдователь финно-славянолитовскихъ отношеній, что латышъ сохранилъ въ *pagasts* древнее значеніе старорусскаго слова¹⁾; *talks*—толока; *kalps*—холопъ; *alu warit*—пиво *варить*; *semiti*—цѣнить, *seena*—цѣна (адвербіально); *kaschovina*—кожухъ, кожушина; *kalite*—калита; *nasis*—ножъ; *swikls*—свекла; *sahls*—соль; *sahlnise*—солонка; *karascha*—колачъ; *tagonite* (уменьш.)—макъ; *swabads, swaladiba*—свобода; *zauks*—судъ²⁾.

¹⁾ *Mikkola*, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen, Helsingfors, 1896, 152.

²⁾ Навяно утверждалъ покойный Ресер, при казаніяхъ своихъ „*Dainos*“ 1826 и 1843 годовъ, когда въ числѣ отличій литовскаго языка отъ латышскаго указывалъ на присутствіе въ первомъ словъ: *palagas, swótas* (стр. 5). Онъ не подозрѣвалъ, что это—славянскіе *полокъ, свать*. Любопытно слово *dumbrava*—вытоптанное скотомъ болотное мѣсто, *dumbrs,-a*—болотистый. Если оно изъ русскаго (*дуброва*), то изъ эпохи существованія носовыхъ въ немъ.

Такимъ образомъ, латыши, какъ духовныя дѣтя Россіи, и до 14 августа 1196 года не были „das noch in Finsterniss und Todesschatten lebende Volk“, какъ это упорно твердятъ и выдаютъ за истину даже тѣ, которые могли бы знать больше ¹⁾).

Въ частности, этимъ источникомъ культурнаго вліянія для стараго латыша, точкой отправленія христіанства могла быть, естественно, сосѣдняя русская волость кривичей. Дѣйствительно, какъ показываетъ тотъ же языкъ, и въ настоящую минуту въ представленіи латыша все русское—и мы лично, и имперія, и самая вѣра—все это является въ образѣ кривичскаго, то-есть, съ именемъ племени, давно затерявшагося на землѣ. Такъ:

„*Kreevus* ein Russe; *Kreevon* seme—Россія, то-есть, земля кривичей; *Kreevon* tizziba—православіе ²⁾).

Территоріей кривичей опредѣлялась и юго-восточная граница территоріи старыхъ латышей: далѣе кривичей латышъ не зналъ русскихъ, и исчезнувшіе люди продолжаютъ свое безплотное существованіе въ языкѣ и представленіи ихъ ранняго историческаго сосѣда, латышей.

Но переходимъ къ языку инаго рода, языку мертвому, языку *топографическимъ* названій.

Значеніе для этнографіи исторической этого спеціальнаго языка давно твердо установлено въ наукѣ, давно вошло въ общее сознаніе. Припомню знаменитаго географа К. Риттера, но еще юнаго, его „Vorhalle“ 1817 года, гдѣ онъ въ упомительномъ увлеченіи санскритомъ перешелъ, впрочемъ, предѣлы допустимаго, вспомнимъ великаго В. Гумбольдта, его этнографическія изслѣдованія за Пиренеями.

Изъ русскихъ ученыхъ рано вступилъ на ту же стезю—проклады-

¹⁾ Имѣемъ въ виду заслуженнаго знатока латышской этнографіи, д-ра Биленштейна, его воззваніе въ торжественномъ засѣданіи 13 декабря 1894 г. „Латышскаго литературнаго общества“ въ Митавѣ—почтись 14 августа 1896 г. семисотлѣтнюю память смерти „апостола“ латышей—Мейнгардта: „Die Waffe Meinhardts ist keine andere gewesen, als das Wort Gottes, und sein Beweggrund, seine Triebkraft nichts anders, als die uneigennützig Liebe und Fürsorge für das hier noch in Finsterniss und Todesschatten lebende Volk“. (*Magasin h. v. der Lett.-litter. Gesellschaft*, XIX, 4, p. 12). Разказни о мечѣ и огнѣ—выдумки...

²⁾ Если, по словамъ мѣстныхъ латышскихъ людей, въ настоящее время имя для насъ, русскихъ, *Kreevus*, заключаетъ въ себѣ отбѣнокъ нѣкотораго нерасположенія, дурнаго чувства, то это содержаніе могло бы быть лишь продуктомъ новаго времени, наприимѣръ, отъ столкновеній съ старовѣрами. Такъ это представляется намъ. Замѣтимъ, что два *e* въ латышской графікѣ обозначаютъ звукъ, близкій къ *a*, старому *a*.

вать при помощи языка пути въ нашемъ темномъ сознаніи—талантливый Надеждинъ (род. 1804).

Въ то время какъ officialный географъ-историкъ, покойный К. Арсеньевъ, въ своихъ учебникахъ по географіи Россіи обнаруживалъ крайнюю бѣдность и путанность по этнографіи ¹⁾, Надеждинъ поражаетъ пропнцательностью мысли, широкимъ пониманіемъ дѣла, конечно, не безъ вліянія науки запада.

„Земля,—говорилъ Надеждинъ въ 1837 году,—есть книга, гдѣ исторія челоѳчества записывается въ географической номенклатурѣ“. Руководящимъ примѣромъ былъ для него великій Гумбольдтъ. „Гумбольдтъ,—продолжалъ Надеждинъ,—прочелъ первобытную исторію Пиренейскаго полуострова, возстановивъ его географію изъ нынѣшняго живаго языка басковъ“ („Опытъ исторической географіи русскаго міра“ въ *Библиотекѣ для Читенія*, 1837) ²⁾.

Попытаемся и мы испробовать наши силы на пути Надеждина, чтобы прибавить хоть небольшой штрихъ въ начатую Надеждинимъ широкую картину исторической географіи русскаго міра, бросить хоть слабый свѣтъ на одинъ изъ любопытнѣйшихъ его уголковъ.

Укрѣпленные ободряющимъ совѣтомъ Надеждина: „не нужно доискиваться, что собственно значить каждое названіе; довольно, если опредѣлится его происхожденіе, если откроется, къ какому языку принадлежитъ оно“ (тамъ же),—мы изъ современной Литвы спустимся и опустимся въ Минскую губернію, но чтобы при изслѣдованіи ея топографической номенклатуры позволить себѣ иногда и отступить отъ совѣта отца исторической этнографіи въ русской наукѣ, дозволить себѣ доискиваться и запретнаго плода, и тамъ, въ нѣковыхъ, безконечныхъ и бездонныхъ болотахъ Минской губерніи вскрыть болѣе равнину, если и не первобытную, Литву.

¹⁾ Арсеньевъ, наприимѣръ, сѣверо-западный край Россіи населялъ почти сплошь поляками. Да и въ настоящее время въ серьезныхъ изданіяхъ встрѣчаются иногда совсѣмъ непонятныя утвержденія. Такъ, въ статьѣ „Изъ бумагъ В. Г. Тенлякова“, *Русская Старина*, 1896, февраль, стр. 425, прим. 3, читаемъ: „Геригутъ (Herghut)—мѣстечко въ Саксоніи, недалеко отъ г. Бауцена, было первымъ мѣсто-пробываніемъ моравскихъ братьевъ, Кирилла и Меодія...“. Откуда это авторъ взялъ?

²⁾ Пользуемся выдержками изъ статьи Надеждина въ недавно вышедшей книгѣ проф. И. П. Филевича: „Исторія древней Руси. I. Территорія“ (Варшава, 1896). Книга эта, исполненная съ любовью къ дѣлу, дѣлаетъ попытку разрѣшить одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ русской науки.

Огромное пространство Минской губернии обнимает верхнее течение Нѣмана, теченія Березины и Припяти. Здѣсь водораздѣлъ Балтійскаго и Чернаго моря, при чемъ на сѣверѣ песокъ, на югѣ — недовѣдомыя болота, „мочары“, особенно, въ уѣздахъ Пинскомъ и Мозырскомъ.

Чтобы судить о картинѣ страны, достаточно замѣтить, что болота обонхъ этихъ уѣздовъ обнимаютъ 23%, то-есть, безъ малаго четверть всей площади ихъ, что такъ называемое Зарѣчье или правый берегъ рѣки Пины представляетъ одно непрерывное болото въ 150 тысячь десятиць—грандіозный лабиринтъ водъ. Среди этого отъ вѣка ненарушимаго царства воды то тамъ, то сямъ выбѣгаютъ наружу песчаные холмики, гдѣ и ютятся жалкія обиталища, иногда за сотню версть одно отъ другаго, жалкаго человѣка, попавшаго сюда, конечно, не со-вчера. Ибо только вѣковая привычка могла и можетъ удерживать человѣка здѣсь, въ этой юдоли вѣчно грозящей смерти. Имя одного здѣсь притока Припяти — *Смерть* (слѣва), мѣтко характеризуетъ край. Слова вдохновеннаго пѣвца Литвы, посвященныя его минской родинѣ, только въ стихотворной блестящей формѣ, воспроизводятъ прозаическое описаніе обширнаго и недостаточно обследованнаго края. Картины въ поэмѣ Мицкевича „Панъ Тадеушъ“ только снимки съ природы, съ описаніемъ внутренняго распорядка лѣсовъ, водъ, ихъ свойствъ ¹⁾, хотя справедливо и сомнѣніе поэта:

„Ktoż zbadał puszcza Litewskich przepastne krainy,
Aż do samego źródka, do jądra gęstwiny?“

Вотъ—

„... wielki wał pniów, kłód, korzeni,
Obronny trzęsawicą, tysiącem strumieni“,

но далѣе—

„... co krok czyhaia, niby wlicze doły,
Małe jeziorzka, trawą zarosłe na poły,
Iak głębokie, że ludzie dna ich nie dosledzą...
Woda tych studni skłni się, plamista rdzą krwawą,
A z wnętrza ciągle dymi, zlonąc woń plugawą,
Od ktorej drzewa w kolo tracą liść i korę...“

¹⁾ Эту тему, „шлехетскаго Германа и Доротею“, самъ поэтъ называлъ „своимъ излюбленнымъ дѣтищемъ“. „Миѣ вѣжета, — писалъ онъ другу Однцу въ маѣ 1838 г., — что я сижу въ Литвѣ, что я живу въ Литвѣ, въ лѣсахъ...“ (Pisma, 1876, t. V, 284, слѣд.).

Наконецъ—

„za temi jeziorokami“ —

„... tam już wszystko mglistym zakryte obłokiem,
Co się wiesznie ze trzęskich oparzelisk wznosi“.

Если среди преданій населенія этой водной пустыни смерти, пустыни, заботливо изолируемой природою, ея условіями, изслѣдователи отмѣчаютъ особенную старину, какъ, на примѣръ, разказъ, что болото Гричинъ, площадь въ 500 верстъ, было якобы нѣкогда заливомъ моря ¹⁾, то естественно спросить—не скрывается ли какая либо сѣдая доисторическая и ранняя историческая старина въ топографіи, въ языкѣ земли этого грандіознаго края?

Отвѣтъ мы получаемъ положительный, и прежде всего родная старина подымается предъ нами и реальнаго, и даже формальнаго характера.

Вотъ поселенія съ такими именами, какъ Чаховцы, Бездешъ, Ополь, Оброво, три раза Дулебы, при чемъ для XVI вѣка они документируются писцовыми книгами Пиньскаго староства 1569 г., изданными виленскою комиссіей (ср. т. II, 142, 144). Какъ не вспомнить здѣсь чеховъ, ихъ имя, ихъ Дудлебовъ, горы Bezděz, Opolí, ихъ обга гиганта (общій источникъ въ имени аваровъ)?

Или поселенія Судиборъ, Хотеничи. Ср. въ былинахъ Хотѣнь. Въ указанныхъ писцовыхъ книгахъ мы находимъ и Ивана Хотиновича, и урочище Хотиничи на Хотнѣ (II, 296). Въ тѣхъ же книгахъ—личное имя Волосовичъ, рѣчку Радогощъ, болота: Волховы, Одръ, Ондра, Черемушъ, Моравище, Краковъ и Краково нивище, поселенія Чехи и съ чисто чешскими названіями: Рамне (ср. чешск. pa-gamný), Багно (ср. чешск. bahno—болото), Гвоздь (ср. чешск. hvozď—лѣсъ). Здѣсь и общеславянскіе и старые миеологическіе отзвуки. Ср. и личное имя Dazibog, въ польской графикѣ, отвѣчающее Дажьбогу извѣстнаго Слова („Собраніе минскихъ грамотъ“, 1848, № 127). Отмѣтимъ еще имя родника Око при деревнѣ Оконской: изъ этого родника бьетъ масса воды, глубиной болѣе 300 сажень. Это имя — основное слово для общеслав. *ок-ьно*, съ главнымъ значеніемъ *fodina salis*. Извѣстно, что Трансильванія, главный амбаръ европейской соли, нѣкогда русско-славянская, покрыта собственными именами—*Окно* ²⁾.

¹⁾ „Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Минская губернія“. *И. Зеленскаго*. С.-Пб. 1864, ч. I, passim.

²⁾ Ср. нашу монографію „О русскомъ племени въ Дунайскомъ Залѣсѣ“, въ „Трудахъ VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ“, т. II, passim.

Изъ болѣе новой старины отмѣтимъ: память о Святополкѣ (рѣка Святополча, лѣсъ Святополчій), о Игорѣ (село Игоровица), урочище Немигу, ручей Стругу—все это въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ (II, 86, 188, 300, 344).

Но старина—и въ самой *формѣ* именъ тѣхъ жалкихъ сельбицъ. Мы имѣемъ въ виду прежде всего окончаніе на *ичи*, царствующее въ Минской губерніи. Оно, указывая на происхожденіе односельчанъ отъ одного отца-родоначальника, переноситъ насъ въ глубокую старину сложенія славянскихъ земель, напримѣръ, въ эпоху заселенія чехами своей земли: Лобковицы, и въ то же время въ современную Черногорію, съ ея Васьевичами, Паштровичами—именами родовъ-клановъ. Укажемъ немногія изъ минскихъ именъ: Милевичи, Семигостичи, Люденевичи, Миничи, Хотеничи—то-есть, потомки Милева, Семигоста, Людена, Хотена.

Но съ окончаніемъ *ичи* мы перенеслись и въ сферу грамматики. Въ грамматическомъ отношеніи любопытна въ топографическихъ именахъ форма имени прилагательнаго относительнаго.

Главный городъ Минскъ. Въ старину *Мѣнескъ*. Въ грамотахъ XVI вѣка: мѣсто Мѣньское, Менское, Мѣнскъ, Менскъ, и только съ XVII столѣтія—Минскъ. Имя не по рѣкѣ, а отъ слова *мѣна*, то-есть, мѣсто мѣновой торговли. Нормальное правописаніе для старины было бы *Мѣньскъ*, то-есть, мѣн-ьскъ.

Въ другомъ мѣстѣ, при докладѣ на Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ, мы возстановили біографію загадочнаго слова *берковецъ*: оно искаженіе стараго *берковескъ*, какъ *Минскъ* изъ *Мѣнескъ*. Но въ окончаніи *берковецъ* мы безсознательно сохраняемъ память о старомъ суффиксѣ *ескъ*, *ьскъ*, о его гласномъ *е*.

Но, обращаясь къ топографическимъ именамъ Минской губерніи, мы встрѣчаемся съ именами именно въ старой формѣ суффикса *ьскъ*, съ произношеніемъ—*еск*.

Въ болотномъ царствѣ губерніи, по сѣверному краю, у притока Смерть, мы находимъ:

Луניתскъ (станція желѣзной дороги), при митрополіи невдалекѣ—*Лунино*. На картахъ уже Лунинецъ (ср. берковецъ), но въ народномъ говорѣ съ окончаніемъ *ескъ*.

Видиборескъ при Видиборѣ. На картахъ Видиборецъ.

Именъ съ *ьскъ* немного. Но полагаемъ, что и Дубинецъ изъ *Дубинескъ*, при Дубой, и что всѣ на *ецъ*, *скъ* суть только сокращенія: Гребенецъ, Минскъ, Дубровскъ, Слуцкъ (Случьскъ), Глуцкъ, Дребекъ

и др. Отмѣтимъ изъ указовъ Писцовыхъ книгъ 1569 года: дворища *Трусенскаго* (II, 250), при „U Człowieczego Hołowaку“ (II, 108). Ср. въ прибалтійскихъ нѣмецкихъ актахъ XV столѣтія названіе для нашего Полоцка: *Polosko* и *Polotesk, Poltesk* ¹⁾.

Такимъ образомъ, произношеніе XI, XII вѣковъ, произношеніе *берковеска*—оживаетъ и сегодня въ нѣкоторыхъ болотныхъ именахъ Минской губерніи. Рѣчь простаго человѣка сегодня воскрешаетъ давно умолкшіе звуки старины.

Отмѣтимъ, наконецъ, и имена въ формѣ повелительнаго наклоненія изъ указовъ Писцовыхъ книгъ: *Zahubi jutro, Polubi jutro* (I, 360, 362), или личное: Мартынь *Христи* болото (II, 248).

Въ отмѣченныхъ топографическихъ именахъ пронесся предъ нами одинъ слой почтенной старины, по слой родной, славянскій.

Но въ топониміи Минской губерніи (отчасти и нѣкоторыхъ смежныхъ ближайшихъ околлицъ), думается намъ, есть еще другой слой. болѣе ветхій, слѣдовательно, изъ эпохи довременной, именно—въ мѣстныхъ именахъ специально минскаго характера—въ названіяхъ всяческихъ *водъ*. Къ минской *идрографіи* (въ предѣлахъ нашей задачи) мы и обращаемся теперь.

3.

Уже Надеждинъ болѣе или менѣе справедливо указалъ, что рѣка Припять съ лѣвой стороны представляетъ *смѣшеніе* звуковъ въ гидрографической номенклатурѣ, которое де исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ Днѣпру („Опытъ и проч.“). Мы увидимъ, что постепенности нѣтъ.

Налѣво отъ Припяти, это все на сѣверъ, то-есть, почти вся Минская губернія, съ водами Балтійскаго и Черноморскаго бассейновъ.

Нѣманъ, архилитовская рѣка, у впаденія своего въ Гафъ носящая имя Мемель, беретъ начало изъ центра Минской губерніи, изъ ея центральныхъ болотъ, немного южнѣе Минска.

Литовское имя рѣки *Netŭj*, обычно—*Netinas* (въ корнѣ *e* твердое и далѣе), но въ произношеніи нѣкоторыхъ мѣстностей, по свидѣтельству Куршата („Wörterbuch“, II, 270)—*Nŭtinas*. Въ виду

¹⁾ „Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch“, R. X, Riga, 1896, Register. Даже царь Алексѣй Михайловичъ въ своихъ письмахъ употреблялъ форму *Можеска*, а не *Можайск* (см. „Письма русскихъ государей“... М., 1896, стр. 1).

колеблющагося гласнаго понятно то же колебаніе и въ ковенскихъ актахъ XVI вѣка: Нѣмонъ, Нѣмунъ, но и—Немъ (см. богатый трудъ *Н. Я. Строчица*: „Географическій Словарь древней Жомойтской земли XVI столѣтія по актовымъ книгамъ Россіенскаго суда“, Вильна, 1888, s. v.). Но любопытно, что среди жудиновъ, то-есть, наиболѣе консервативныхъ литовцевъ, имя рѣки звучитъ *Наманс*, какъ свидѣтельствуеъ г. Гуковский въ своемъ „Ковенскомъ уѣздѣ“, 1892. стр. 3, заслуженный мѣстный работникъ. Русское Нѣманъ, польское *Nieman*, очевидно, изъ преобладающей литовской формы.

О популярности имени Нѣмана или Мемеля въ области литовскаго племени свидѣтельствуеъ и вторая рѣка тождественнаго имени—рѣка у латышей: курляндская *Аа*, или по-народному *Leelipe*, то-есть, большая рѣка (отъ *leels* и *ipe*), образуется изъ соединенія Мусы съ *Мемелемъ*. Этотъ *Мемель*, какъ онъ названъ на этнографическихъ картахъ гг. Куршата и Биленштейна, на такой же картѣ г. Риттиха названъ *Нѣманекъ*, то-есть второй, малый Нѣманъ. На картѣ Биленштейна тонъ, къ сожалѣнію, дается нѣмецкой номенклатурой¹⁾. Но этотъ Мемель-Нѣманекъ на дѣлѣ у народа просто буквально повторяетъ имя главной рѣки литовцевъ: *Немона*, и уже нѣмцы называютъ его *Memel*²⁾.

Обѣ формы: *Nembi* и *Neminas*, находятъ поддержку въ старомъ актовомъ языкѣ и топографіи Минской губерніи.

Такъ, въ грамотахъ XVI вѣка Минской губерніи мы имѣемъ отзвуки этого имени и въ другихъ пунктахъ ея. На югѣ, гдѣ помѣсь бѣлоруссовъ и черноруссовъ, топографическое имя *Нѣмий*, род. *Нѣмья* (слѣдовательно, не имя прилагательное): „... pod Werosochom morg 1, и Slodowni prenthow 24, и *Nietuja* prenthow 18“ (Писцовыя книги 1569 г., II, 344). Окончаніе *ий* вполне отвѣчаетъ въ

¹⁾ На картѣ г. Куршата стоятъ *Nieman*, а въ своемъ словарѣ (s. v.) онъ самъ указываетъ, что „es ist also unrichtig, diesen Fluss in deutschen Geographien *Nieman* zu nennen“!

²⁾ Такими показанія, собранныя нами лично въ Ригѣ изъ устъ мѣстныхъ латышскихъ ученыхъ. Очевидно, что то, что годится для домашняго употребленія, не годится для этнографической карты, и г. Риттихъ впалъ въ другую тенденцію, введя свой географическій неологизмъ. Этнографъ мудрствовать права не имѣетъ. Далѣе, какъ на Литвѣ, такъ и здѣсь, та, другая деревня по рѣкѣ Муса (у русскихъ мѣстныхъ—Муха, по созвучію). Прибавимъ, что при формѣ *Memel* старыя нѣмецкія акты знаютъ и вариантъ *Mymmel* („Liv-Est-Kurl. Urkundenbuch“, X, Register).

литовскомъ—*ūj*; ср. *нимъ* и литовское *niņai*. Далѣе, иѣется рѣчка *Нѣмечина* въ старыхъ актахъ („Сборникъ виленскихъ актовъ“ 1842, I, № 39). Сейчасъ у Борисова есть село *Немоница* (см. ср. превосходную карту Военнаго депо Имперіи, съ посвященіемъ Императору Александру I, 1820-хъ годовъ).

Съ именами *Нѣтѣй*, *Нѣмий* можно бы поставить въ связь и имя рѣчки *Немизи* въ Минской губерніи, а это имя, въ свою очередь, находитъ сочувствіе и въ названіяхъ иѣсть тамъ же:

„... въ месте Менъскомъ на *Немизе* лежащее“, „церковь рождества пречыстое на улицы *Немизской*“ („Собраніе актовъ Минской губерніи“, 1848, № 75, 72). Въ Писцовой книгѣ Пинской 1569 г.: „ostrow uroczysszem *Niemiha*“ (II, 300).

Въ окончаніи *ia*—именной суффиксъ, особенно извѣстный литовскому языку. Ср. Стру-га (рѣчки и рядъ мѣстныхъ именъ на югѣ Минской губерніи) въ литовскомъ: *sglowė*—потокъ, струмень и *sviđ-ga*—хлопъ снѣга; *ūda*—кожа и *ūde-ga*—хвостъ; литовское *parei-gà, isei-gà* (Kurschat, Gramm., § 285). Ср. въ „Географическомъ Словарѣ“ г. Спрогиса рѣчки *Инавга, Сумига*. Въ той же формѣ *ga*—это окончаніе въ суффиксѣ имени прилагательнаго: *waikīngas* (*waikas*—дитя), *waisingas* (*waizà*—плодородіе), *norīngas-ga* (*nóras*—желаніе) и др.

Но что могли обозначать для литовца имена: *Nētūj, Nētūnas, Наманс?*

Конечно, толкованіе польскихъ историковъ отъ небывалаго героя Немона—досужій мнѣ. Но затрудняемся понять и г. Гуковскаго—какое литовское слово предносилось ему, когда онъ говоритъ, что если названіе *Нѣмана* и обозначаетъ что нибудь, то развѣ *плосучій*, способный къ плаванію, судоходству („Ковенскій уѣздъ“, стр. 3). Плавать по-литовски—*plaukti*, одного образованія съ славянскимъ.

Изъ многихъ формъ именъ пралитовской рѣки, но вытекающей изъ центра Минской губерніи, остановимся на формѣ, чтò въ устахъ *Жмуди*, то-есть, наиболѣе чистой, консервативной части Литвы—*Наманс*, или, безъ обычнаго сокращенія, *Наманас*.

Въ этой формѣ названіе *Нѣмана* сближается съ литовскимъ прилагательнымъ *naminis*—домашній, свой, отъ устарѣлаго *namas*—домъ, (откуда и частицы: *namin*, *namon*—домой, и глаголъ *namiti* hausen), но въ латышскомъ языкѣ еще существующаго слова: *namis*—домъ, *naminās*—жилицо. Относительно корневнаго гласнаго замѣтимъ, что въ устахъ *Жмудина* при *namai* есть и *niņai*. Если можно довѣрять старопрусскимъ текстамъ, то можно бы вспомнить и старопрусское

nommans, *naimans*—дательный множественного числа *нашъ*, но и въ значеніи *pousas*, *pouza*—нашъ, наша ¹⁾).

Прибавимъ, что въ русскомъ обликѣ XVI вѣка ковенскихъ названій—въ Словарѣ г. Спрогиса—мы имѣемъ правильные отзвуки формы *Нимане*, въ именахъ: *Ному*—ловкась (то-есть, *laukas*, политовски лугъ), *Нуму*—ловкась (теперь *Номуловки*).

То-есть, Нѣманъ—это рѣка *наша*, литовская по преимуществу.

Какъ будто и брать втораго, курляндскаго, Нѣмана (такъ называется *Memel*—Нѣманчикъ), рѣка *Муса* (на картахъ *Musse*, *Мупа*, по старому правописанію латышей—*Muhsa*) семасіологически поддерживаетъ предложенное объясненіе: латышское *muhs*,—а нашъ, наша, прусское *pousas*,—*pousa*, литовск. „*mūsū sesyte*“, то-есть, наша (насъ) сестра. О мѣнѣ *n* и *m*—ср. литовск. *noša*—*mosa*, сноха. Двѣ рѣки и обѣ наши, объявляя латышъ. Оба имени: *Memel* (то-есть, Нѣманъ) и *Mussa*, г. Виленштейнъ ставитъ уже на картѣ XIII вѣка.

Другія формы—упрощеніе и варіаціи. Славянскія—осмысленіе, по сближенію въ прилагат. польск. *niemy*, русск. *нѣмой*. Мы, славяне, усвоили литовское имя литовской рѣки, но поспѣшили осмыслить, сближая съ своимъ языкомъ.

Вторая большая рѣка Балтійскаго бассейна, болѣе латышская, чѣмъ собственно литовская—*Двина*. Она не вытекаетъ изъ Минской губерніи, но только касается кое-какими притоками.

Двина—латышская рѣка, у латышей она и носитъ двойное названіе, какъ свидѣтельство давней принадлежности ея имъ: *Daugava* и *Duna*, въ старыхъ мѣстныхъ нѣмецкихъ грамотахъ съ вариантами: *Düne*, *Düne*. Что же касается въ тѣхъ же грамотахъ формы *Duivena*, *Duivena*, *Duvene*, то это—передача уже русскаго названія рѣки—Двина ²⁾). Въ народныхъ пѣсняхъ *Daugava*—*Duagawina*—ласкат. форма.

Имя *Daugava* нельзя не поставить въ связь съ литовск. прилаг. *daugas* (теперь только частица *daug*, много = латыш. *dauds*, много), то-есть, рѣка крупная, многоводная. Этому взгляда и ученый президентъ латышскаго общества въ Митавѣ—въ *Magasin*, т. XIX, 4 (1896 года), р. 337.

Но что такое *Duna*?

Невольно припоминаются: Донъ, Дунавъ (*Danuvius*), Данастръ,

¹⁾ См. *Vater*, Die Sprache des alten Preussen, и *Nesselmann*, Thesaurus linguae prussicae, s. v.

²⁾ „Liv-Est und Kurl. Urkundenbuch“, X, Register.

Данапръ (Днѣстръ, Днѣпръ). Отъ Лерберга и до нашихъ дней имена всѣхъ этихъ рѣкъ, какъ и Двины, связывали съ осетинскимъ *don, dan*, вода, рѣка. Но если это объясненіе и справедливо, то не справедливѣе ли разъединить эту группу водныхъ именъ, напримѣръ, оставляя въ сторонѣ осетинскія или общерійскія воспоминанія, для имени латышской рѣки искать объясненіе изъ данныхъ самаго латышскаго языка?

Латышскій языкъ предлагаетъ одно любопытное слово. Это—*dunawas*, по Ульманну, „*kleine Gewässer, die nicht zufrieren*“. Ср. и *dundawa*, стокъ. Правда, эпитетъ „*kleine*“ возражаетъ противъ сближенія большой Двины—Дуны и малой *dunawas*, но характерная черта—незамерзаемость, глубина, указываетъ не на обычную лужу. Вѣроятно, современное, узкое примѣненіе слова *dunawas*—результатъ поношенности языка. Во всякомъ случаѣ общая черта—незамерзающая, глубокая вода.

Что и верховье Двины принадлежало Литвѣ, заключаемъ изъ повторенія имени этой рѣки для перваго большаго притока рѣки Виляи, что въ Нѣманъ, въ предѣлахъ Минской губерніи, и съ характернымъ литовскимъ окончаніемъ для рѣкъ: *Двина-са*. Ср. *Дубиса, Ланкеса* въ Ковенской губерніи, гдѣ въ имени *Дубиса* случайное созвучіе съ русскимъ *дубъ*¹⁾.

Но объ крупныя балтійскія рѣки, Намањъ, или наша, Дуна, или крупная рѣка-вода, только истокомъ или притокомъ причастны Минской губерніи, а тамъ спѣшатъ къ своимъ людямъ, чтобы позвратить себѣ свой литовскій образъ. Но направленіе обѣихъ рѣкъ на сѣверо-западъ указываетъ на естественное тяготѣніе губерніи къ литовской территоріи. Оставимъ мы ихъ и обратимся къ специальнымъ водамъ столь водообильной губерніи, и отчасти смежныхъ, и начнемъ съ естественныхъ источниковъ самыхъ рѣкъ—*болотъ-озеръ*, съ ихъ названій: что могутъ сказать этнографу эти названія? Помогутъ ли они указать: кто крестилъ край, кто былъ старѣйшій хозяинъ этого края, теперь бѣлорусскаго?

Для озеръ ограничиваемся названіями на сѣверѣ, и въ порядкѣ свободномъ, по степени ясности.

¹⁾ Ср. въ Геогр. Слов. г. Спрогиса: „*Дубини* по-руску, а по-литовску *Ožulios*“ (103). Ср. у Курмата въ Словарѣ, в. ч. *ajolas* замѣчаніе: „*in manchen Gegenden nachlässigere Aussprache für *ajūlitas**“, но это произношеніе, какъ видимъ, дается уже XVI вѣкомъ. Въ латинскомъ—*ajūlas* дубъ, законный вариантъ литовской формы.

А) Названія озеръ.

1) *Бершита*, при рѣчкѣ того же имени.

Въ Словарѣ Спрогиса находимъ рѣчку *Бершита*, поселенія *Бершитасъ*, Бершты, рѣки *Бершит-унъ*. *Бершит-уни*, поселенія *Бершитасъ уни шуру калъни*, или—*ан паири калъни*, то-есть, у лѣсистой горы и другія. Ясно, какъ популярно имя.

Въ имени *Бершита* просвѣчивается литовскій недостаточный глаголъ *beršta, beršti*, бѣлѣть, напримѣръ: *beršt javai* = пшеница начинаетъ бѣлѣть. Имя озеро означало бы бѣлѣющее, свѣтлое. Вспомнимъ и рѣчку Сидабра въ Курляндіи, что въ Аа у Митавы (на картѣ г. Риттиха, а на картѣ г. Виленштейна Platone?), то-есть, серебромъ блестящая, свѣтлая, и названіе озера Лепеля (см. ниже) Бѣлымъ.

2) Озеро *Пеликъ*, изъ котораго вытекаетъ рѣка Березина.

Въ Словарѣ Спрогиса: село *Пелеки*, нива *Пелки*, *Пелкесъ*. 2 болота—Геджалъсъ—*пелки*.

Латышскій и литовскій языки дозволяютъ нѣсколько сближеній для имени озера Пелика.

Лат. *pelkis*,—а, *pelke*—es, болото, лужа (иная форма—*peldikis, pelsis*).

Латышск. *pelehs* пестрый (лит. *pilkas*), сѣрый, непельный; наконецъ, литовск. сущ. *pelkė* Forfbusch и просто торфъ. Извѣстно, что вся Минская губернія покоится на залежахъ торфа, и съ своими лѣсами, и болотами. Но въ виду восточнаго помѣщенія озера Пелика, въ его имени скорѣе надобно видѣть латышское происхожденіе.

2) Озеро *Лепель*. Въ Слов. Спрогиса: поле *Лепойте*, Лепайтишки, рѣка Липича. Ср. Липа, притокъ Нѣмана, въ Минской губерніи, *Leopare*, притокъ Аа.

Сравнимъ латышск. *lepra*, лит. *liëpa*, липа, прилаг. *liëpimis*, или же латышск. *liëpra*, озерная роза (*uhdens lepra*). Окончаніе *ль* можно разсматривать, какъ вариантъ *нъ*: ср. Метел и Нѣмень. Ср. имя одного изъ городищъ у латышей въ XIII вѣкѣ—*Levene* (въ Витебской губерніи, близъ Якобштадта)—на картѣ у г. Виленштейна. Возможно двойное толкованіе имени озера, и болѣе всего—изъ латышскаго языка: 1) или озеро среди липовыхъ лѣсовъ; 2) или озеро, покрытое нимфеями.

4) Озеро *Морозы*. Въ Словарѣ Спрогиса: им. Моргиники, Морки, Моркучике.

Вспомнимъ латышск. *marga* — сверканіе, блестяи, лит. *margas*, пестрый, суц. *margas* (plur. t.) Sommersprossen.

б) Озеро *Мядзіо(е)ла*, въ Виленской губерніи, у границы.

Въ Словарѣ Спрогиса: Мядель. Мядины. Ср. теперь *Медыганы* изъ *Мединганы* (въ грамотахъ XIII вѣка—*Nedinghen*)¹⁾.

Этимологія неясная. Можно вспомнить лит. *mėdis*,—*dzio*, дерсво. лѣсъ (латышск. *meschs*), откуда—*medžiūklė*.—*es Jagdrevier*, въ латыш.—*mednis*—глухарь. или лит. прил. *māžas*, малый (ср. названіе рѣчекъ: *Мажса* что въ Морочъ, *Можса* что въ Бобръ; ср. *Можайки* въ Курляндіи и нашъ *Можайскъ*).

6) Оз. *Плавю*. Въ Словарѣ Спрогиса: Плавки, Плавке. Возможны нѣсколько сближеній: 1) латышск. *plawinaht wellenförmig bewegen*, 2) лат. *plēhuē*.—*es*, *plēhuō*—*a*, пленка, *plēhuains*, подернутый тонкою пленой, *plēhuinaht* двигать; лит. *plauju*,—*uti*, плевать; 3) латышск. *plauju*, *plaut* жать (лит. *plauti*), откуда *plawa* Wieje, Heuschlag.

7) *Окано*. Этимологія темна. Ср. рѣку *Окмяна*, иначе *Данге* у *Мемеля* (изъ латышск. *danga* — *kothige Pflütze, morastiges Land*). Ср. лит. *akis*, прил. *aknis*. окно—*fodina aquae, salis*.

8, 9) Въ именахъ озеръ: *Вешта*, *Бизина*, слышатся ясно звуки неславянскаго языка, по этимологія темна. Для имени *Вешта* мы имѣемъ отголоски въ старой топографіи Ковенской губерніи, въ Словарѣ Спрогиса: рѣчка *Вешета*, *Вешата* (теперь *Вешинта*). Уже среди жмудскихъ городищъ XIII вѣка находится *Vesete*, на рѣкѣ *Вешеті*.

Для имени *Бизина* можно указать въ латышскомъ языкѣ названіе гриба—сморчка: *bisini rhallus esculentus*. Ср. и топограф. имя *Biesen*, *Biessen* въ лифляндскихъ грамотахъ XV столѣтія, въ указ. „*Urkundenbuch*“, т. X.

в) *Названіе рѣчекъ, притоковъ*; изъ бассейновъ: *Двины*, *Березины* и *Припяти*.

Ула. изъ озера *Лепеля*, лѣв. притокъ *Двины*, въ *Витебской* губерніи, на картѣ 1820 года—*Ула*.

Ср. въ *Ковенской* губерніи *Оле*, село *Олота*.

Въ латышскомъ: *ohla*, мелкій камень, голышъ, иначе *ohlis*. Въ литовскомъ—*ila* скала. Въ латышскомъ Словарѣ *Ульманна* показано *ile*; вѣроятно, спутано, съ литовск. *ilė die Höhle*—*dauba*, въ Словарѣ Спрогиса *Давба*.

Для семазіологіи имени ср. въ *Ковенской* губерніи *Окмяна* (притокъ *Митво* что въ *Нѣмань*), *Окмяна*—*Данге* изъ лит. *akmė*, камень;

¹⁾ *Волмеръ* Э., Жмудскія городища въ „*Нам. кн. Ков. губ.*“ за 1888 г., отд. отт., 6.

въ Минской губерніи: Каменка, малый притокъ Вилин, Пещанка—малый притокъ Березины.

Эсса, притокъ Улы, чрезъ то же Лепельское озеро, съ притокомъ Берешта, о имени котораго была рѣчь выше.

Этимологія имени изъ литовскаго: устарѣлое сущ. *ese* (изъ *esia) бродъ, рѣчной переходъ. Болѣе далекое соотношеніе съ литовскаго *esė*, межа, у рыбаковъ.—„ein Gartenbeet und eine flache Stelle des Haffes am Ufer“.

Жортайка. Въ Словарѣ Спрогиса — им. Жоры. Для формы ср. Дырстейка, Можайка въ Россіенскомъ уѣздѣ.

Въ связи съ лит. глаголомъ *žiuoju*,—*róti* озарять, сверкать, слѣд. рѣчка сверкающая. Ср. выше Берешта.

Переходимъ къ бассейну Березины, протекающей съ сѣвера на югъ, чрезъ всю Минскую губернію. Имя рѣки, повидимому, громко-славянское. Но остановимся на ея притокахъ. Вотъ имена ихъ: Поня, Сергутъ, Мрай Сха, Гойна (съ притокомъ Цна, Усяжь), Плиса, Рова, Нача, двѣ Уши (съ одной стороны, а устьями сближаются), Уса, Клева, Свислочь, Ольса, Брожа, Кардь, Свида, Ола (эти уже при самомъ впаденіи Березины въ Днѣпръ)—что же въ этихъ именахъ славянскаго?

Но къ которому изъ языковъ принадлежать они? Естественно думать, тому, который увѣковѣченъ въ именахъ озеръ. Не думаемъ доказать литовское происхожденіе всѣхъ этихъ рѣчныхъ именъ; но что касается нѣкоторыхъ изъ нихъ, то ихъ литовизмъ можетъ быть опознанъ.

Поня. Этимологія темна.

Сергутъ. Въ связи съ лит. *sérgmi*, *sérgelė*, сторожить, *sérgėtops*, сторожъ; ср. *Dejva Sargetoj*, богиня, стражъ въ разказѣ у Лудвига въ Покевя („*Litwa*“ etc., 30).

Мрай?

Сха? Въ связи съ лит. *sausas*, сухой? Въ словарѣ Спрогиса *Сунви*, *Сун-уписъ*.

Гойна. Этимологія неясна. Ср. въ Словарѣ Спрогиса: рѣчки Гонюва, Гонюю-седеймасъ (то-есть, сѣдалище, жилище ящерицъ, изъ *gonus*, водяная ящерица и *sedėjimas*). Ср. латышское народное названіе для лифляндской Аа—*Gauja*.

Въ связи съ *gõjus ein Busch dichter Baumhaufen* (слав. *гави*)? Для примѣненія слова ср. названіе озера въ Ковенской губерніи—*Лукимта*, отъ *likštas* Rohrgras, Kuhlblume.

Усяжъ. Ср. въ Словарѣ Спрогиса: Ус-упа, Ус-упъ, Усія. Ср. ниже—Уса.

Плиса. Ср. Плиса, притокъ Нѣмана въ Минской губерніи. Для этимологіи ср. лит. глаголь *plėšın, plėšti*. *reissen, gauben, plýstu-plýšti, bersten, zerreißen.*

Рова. Для этимологіи ср. лит. корень *rov, rau* врать съ корнемъ. Есть и существъ *rova* наносъ, которое едва ли русскаго происхожденія, какъ, повидимому, думаетъ Куршаты (См. Словарь, s. v.).

Нача?

Уша (въ двухъ представителяхъ). Ср. Уша—притокъ Нѣмана, Уша—притокъ Виляи. Въ Словарѣ Спрогиса: рѣка Ушня, село Ушняны. Распространенность имени на территоріи Литвы для обозначенія рѣкъ ясна.

Происхожденіе, вѣроятно, связано съ литовск. глаголомъ *ušiù, ūsti, brausen*, вторая форма котораго—*ošiù, õsti*. Значеніемъ въ связи съ Плиса, Рова. Возможна и вторая этимологія: изъ лит.—*austi, austi, kalt werden.*

Уса. Ср. Уса, притокъ Нѣмана у села Поусье. Отъ литовск. *osis*, лат. *ohsis*, ясень. Что касается различія гласнаго, то Лудвикъ изъ Покева приводитъ форму *ousis*, уменьш. *uselis* („Litwa“ etc.. 86). Дерево ясень почиталось священнымъ у литовцевъ (*ibid.*, 91).

Для примѣненія слова къ названію рѣки ср. *Ясень*. маленький притокъ Березины же, выше Бобруйска.

Клева. Ср. лит. *kliãwas, klėwas*, клень. Ср. Уса.

Свислочь? Ср. *Ислочь*, правый притокъ Нѣмана въ Виленской губерніи, и обѣ рѣчки сближаются своими верховьями.

Ольса. Ср. *Олса*, притокъ Шешувы въ Россіенскомъ уѣздѣ, отличный отъ *Ольса*, притока Митвы.

Ср. въ Словарѣ Спрогиса: рѣка Ольса или Альса (ср. Олса), Ольсоѣтась, Ольсойтъ, поле Ольсоць Лаугеле (адѣсь Ольсоць—правильный род. п. ед. ж. р.) и др. Распространенность имени ясна.

Для этимологіи имени ср. латышск. *alksnis*, лит. *elksnis*, ольха, *alksne* ольховникъ. Едва ли въ связи близко звучащее литовск. прилаг. *alsis, ù*, медленный, усталый, откуда *alsa*, усталость.

Брожа. Возможны два сближенія: 1) или съ латышскимъ глаголомъ *brahsu, -st, sausen, brausen*, 2) или съ латышск. сущ. *braslis* (отъ гл. *brist*) *eine Furth (pahrg- brauzama weeta upės), ein kleiner Fluss, den man durchwaten kann*, по Ульманну. Ср. въ пѣсни народной: „Pėrkõns brauza par jurina“, переходитъ по морю.

Кардъ? Ср. въ Словарѣ Спрогиса: *Кардушесъ*—ланка, ручей *Кармупъ*. Затруднительно связывать съ лит. *karklas*, латышск. *kahrkls*, ива: въ Словарѣ Спрогиса—ручей Каркля, Коркля, съножать Карклиесъ.

Свида. Ср. литовск. прил. *Swidus*, —i, blank, glänzend. Для значенія см. выше Бершта и др. Обратное значеніе въ имени *Юста*, притока Невѣжи въ Ковенской губерніи: имя въ связи съ глаг. *jūstu*, schwarz werden, отъ *jūdas* черный, отсюда Юдутисъ, притокъ Свенты въ Тельшевскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи.

Ола, съ русскими притоками: Любница, Протокъ, послѣдній притокъ Березины.

Если это имя не вариантъ имени Ула, то можно вспомнить латышск. *ala*, —as, Höhle, *alohi*, aushöhlen. Относительно значенія ср. Дубиса, Дубня (притокъ Двины, въ Витебской губерніи) отъ *dubus*, глубокой Литовск. *ogius* тисъ (Eibelnbaum) связи не имѣетъ.

Мы опустили, и намѣренно, притокъ *Бобръ*. Повидимому, въ славянствѣ этого имени едва ли можно сомнѣваться. Но мы думаемъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ литовскимъ языкомъ: въ основѣ имени лежитъ литовское слово, близкое по формѣ къ славянскому и тождественное по значенію.

Въ литовск. *bėbrus*, *bābras*—наше *бобръ*; въ латышск. *bebra*. Безъ малѣйшаго труда литовское имя позже могло получить русскую окраску.

Относительно примѣненія названія животнаго для названія рѣки вспомнимъ имя *Аиша*, рѣчки въ Ковенской губерніи, отъ *ašvā* конь, кобыла, и ср. ниже подъ *Удра*.

Итакъ, изъ 18 притоковъ Березины имена 12 поддаются болѣе или менѣе литовскому анализу, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ именъ весьма распространены на территоріи современнаго литовскаго языка (*Уша*, *Ольса*); самыя же сближенія именъ нѣкоторыхъ изъ притоковъ Березины съ данными латышскаго и литовскаго языковъ указываютъ на буквальное воспроизведеніе литовскаго слова. Таковы имена: *Свида*, *Ольса*, *Клева*, *Уса*, *Бобръ*.

Но истинно-славянскія или русскія имена носятъ лишь притоки *второй* руки, мелкаго разряда, или *притоки притоковъ*—свидѣтельство въ болѣе поздней смѣнѣ литовскаго элемента славянскимъ, русскимъ, болѣе экспансивнымъ.

Принимая во вниманіе языкъ земли—языкъ озеръ и рѣкъ верховья Двины и всего теченія Березины, мы полагаемъ, что въ этой

области по Днѣпръ, у самаго впаденія Березины, жило, раньше нынѣшнихъ бѣлорусовъ, *литовское* племя. Эта область можетъ быть отнесена потому на счетъ территоріи доисторической Литвы.

Переходимъ къ именамъ притоковъ литовской рѣчи по преимуществу—Нѣмана. Они: *Льша*, *Уса*, *Сула*, *Уша*, *Березина*, *Шара*, *Вилія* съ *Двиносой*, *Иліей* и *Удрой*.

Льша. Ср. въ Словарѣ Спрогиса ручай Лошиша.

Для этимологій ср. лят. *lostū*, *lōš-ti*, *toben*, *vasen*. Течение Льши въ луговой равнинѣ, среди лѣсовъ („Матеріалы для географіи и статистики Россіи“. Минская губернія, I, 220).

Уса } см. выше.
Уша }

Сула. Ср. озеро Сола въ Ковенской губерніи. Ср. въ Словарѣ Спрогиса: рѣчка *Друтов-сулиць*, озеро *Сулингъ*.

Для этимологій ср. лит. *sulā*, *der fließende Baumsaft*.

Шара (Щара). Ср. литовск. *sauras*, -ā, узкій. Рѣчка тянется на 300 верстъ, но судоходна всего на 20—именно въ недостаточности размѣровъ своихъ, долго имѣеть видъ ручья („Матеріалы и пр.“ I, 222, 223).

Вилія (только истокомъ въ Минской губерніи). Въ русскихъ актахъ XV вѣка—*Вѣлія*, *Вилія*, *Вейля*, *Велья*. По Куршату (Словарь, s. v.), *Вилія* (*Welia*) называется *Neris*, а по Гуковскому („Ковенскій уѣздъ“, стр. 9).—*Naris*.

Ср. въ Словарѣ Спрогиса: рѣки *Валька*, *Велька*; ср. далѣе *Велишки*, *Велюнь* и др.

Въ виду того, что у жмудиновъ *Вилія* называется *Naris*, можно бы думать, что имя *Вилія*—славянское и есть простой переводъ литовскаго имени: ибо въ литовск. мы имѣемъ *larys*, род.—*lario*, съ значеніемъ *звѣйка*, а имя *Вилія* было бы отъ глаг. *vilti*. то-есть, рѣка, извивающаяся *звѣйкой*. Но болѣе естественно полагать, что и имя *Вилія* литовскаго происхожденія. Если для этимологій *Вилія* литовск. *wilnis*, *волна*, то-есть, *волнящаяся*, *крутящаяся* рѣка (ср. мѣстность *Zakręty* у *Вильны*) не сюда, то на лицо литовск. глаголь *weji*, *wy-ti*, *вить*, или глаголь *wilioju*, —*oti*, *betrūgerisch locken*, *durch Verspiegelungen zu verleiten suchen* (Куршаты, Словарь, s. v.), откуда *wylis*—*die List*. Сюда же и прусское *prawilts*, *verrathen*, латышск. *wiltigs*, *wervätherisch*.

Какъ главный притокъ Нѣмана, текущая черезъ нутро Литвы, *Вилія* могла получать и два имени, но семасіологически родственныя.

Притоки двузначной Вилии, въ предѣлахъ Минской губерніи:

Двиноса. Очевидно, того же начала, что и Двина, въ обрусѣлой формѣ, съ литовскимъ окончаніемъ—*са*.

Или. Ср. въ Словарѣ Спрогиса село Или. Этимологія темна.

Удра. Здѣсь—буквальная передача литовскаго *udrà*, прусск. *udro* (а), выдра. Въ латышскомъ съ инымъ суффиксомъ—*uhdris*, *uhderis*. Имя близко къ славянскому, но не славянское.

Въ Словарѣ Спрогиса: рѣчка Удр-упиасъ. Ср. Выдринская лука. Несельманъ въ своемъ Словарѣ прусскаго языка замѣчаетъ; „*hierher die Ortsnamen uder — ballen, uder — wangen. uder — walde*“ (194). Тотъ же Несельманъ, и тамъ же, при санскр. *udra* приводитъ и сербское *вудра*. Но мы этого слова не знаемъ, и въ сербскомъ Словарѣ Вука его нѣтъ. Относительно примѣненія ср. выше Бобръ, *Ашви*. Бобръ и выдра сейчасъ по цѣлой Литвѣ (*L. z Pokiewia, „Litwa“* etc., p. 357). Известно соотношеніе слав. *въ* и литов. *и*: ср. мѣст. *ви* и литов. *jūs*, прусск. *jous—wans*.

Что же касается *вторыхъ* притоковъ, то они окрашены опять въ яркій *славянский* цвѣтъ, то-есть, повторяется явленіе, указанное нами выше. Вотъ притоки Шары: Вѣдьма, Липница, Мышанка. Итакъ, и область верхняго Нѣмана можетъ быть отчислена къ территоріи доисторической Литвы, то-есть, западной части Минской губерніи. Такія имена, какъ Шара, Удра, буквально, воспроизводятъ литовскія слова.

Обозрѣмъ, наконецъ, имена рѣкъ середины Минской губерніи и болѣе къ югу, системы рѣки съ чуднымъ птичьимъ именемъ—Птичя, впадающей въ Припять и идущей болѣе или менѣе параллельно Березинѣ и носщей въ своемъ имени столь яркую, повидимому, славянскую окраску. До сихъ поръ въ литовско-латышскихъ именахъ мы встрѣчались съ представителями млекопитающихъ и растений, но не пернатыхъ. Край р. Птичя—это край старыхъ дреговичей.

Но мы остановимся на именахъ только двухъ, южныхъ, притоковъ Птичя, текущихъ изъ болотнаго царства губерніи, на именахъ, *Ореса* и *Доколжи*. Странно они звучатъ, и сейчасъ же видно, что они не изъ того языка, что сама Птичь. Но изъ какого?

Ореса вытекаетъ изъ болотъ, близъ которыхъ беретъ начало и самый Нѣманъ, близъ села *Под-аресе*. Имя села, очевидно, по имени рѣки, и форма *Аресье* предполагаетъ двойную форму и въ имени рѣки, то-есть, *Ореса* и *Ареса*. Вторая форма, *Ареса*, еще болѣе удаляетъ насъ отъ славянскаго языка. Откуда же пошло имя?

Въ литовскомъ мы имѣемъ существ. *arasas*, хотя и въ ограниченномъ употребленіи, съ значеніемъ *Krammetsvogel*. Это птица, и притомъ водяная, водный дроздъ, иначе по-литовски *strašdas*, нѣм. *Drossel* (изъ славянскаго?). См. *Kurschat, Deutsch-Litt. Wörterbuch*, р. 708. Въ этомъ литовскомъ имени для водянаго дрозда и кроется источникъ названія большаго притока Птичьей рѣки. Съ звуковой стороны сближеніе между *arasas* и Ореса (Ареса) затрудненія не представляетъ.

Переходимъ къ *Доколкѣ* (Доколькѣ).

Доколка—выше и меньше близкой Ореса, съ селомъ Доколо или Доколье (такъ на картѣ имперіи 1820 года) у верховья.

Какъ ни соблазнительно связывать имя этой рѣки съ словами: *колъ*, *коло*, то-есть, съ его славянскимъ происхожденіемъ, но это едва ли такъ.

Уже въ Словарѣ Спрогиса находимъ рѣку *Данала* (ер. село *Доколо*), село Дагелишки.

Въ литовскомъ языкѣ имѣемъ прилаг. *dāgla*, — *gla*, пестрый („weiss-und schwarzbunt“), которое опять примѣняется къ названію птицы: *dagilis*, щеголь, щегленокъ, отсюда же и другая птица—*dagilėlis der Nesselkönig*. Латышскій языкъ въ свою очередь предлагаетъ параллель въ своихъ: *dagla*, *degla*, *daglis*, грибки на корѣ ветхихъ деревьевъ, трутъ. Общій корень *dag*, что и въ литовскомъ *dūgas* или *dagà*, жатва, вариантъ, для глагольнаго корня *deg*—жечь.

( ) наличности птичьихъ названій для рѣкъ свидѣлствуютъ: у насъ Тетеревъ, Орель; у чеховъ Орликъ, Орлица, Сокольникъ.

Если объ наши этимологіи: Ореса и Доколка—не слишкомъ фантастичны, тогда птичьи названія обоихъ главныхъ притоковъ Птичьей рѣки выясняютъ и самое названіе послѣдней: отъ литовскаго характера названій притоковъ пошло и имя главной рѣки, совершилось осмысленіе со стороны славянъ имени рѣки, принимающей притоки съ птичьими названіями. Воды птичьихъ рѣкъ вмѣстѣ съ собою передали и характеръ своихъ именъ своему господину. Но указанное осмысленіе могло имѣть мѣсто при наличности на мѣстѣ еще литовцевъ, ибо для славянскаго уха и Ореса, и Доколки, безъ литовскаго посредника, ни о чемъ не говорятъ ¹⁾.

Но, можетъ быть, и сама Птичь имѣла нѣкогда свое литовское

¹⁾ Современная форма имени рѣки Птичь указываетъ какъ будто на относительно новизну. Еслибы въ немъ была старина, оно, вѣроятно, звучало бы иначе. Вспомнимъ, наприимѣръ, выраженіе въ Ипатьевской лѣтописи: „кляже, *потыскы* (то-есть, по-птичьи) не можешь прелѣтѣти“ (изд. 2, стр. 129).

имя, звучащее не далеко отъ русскаго имени. Вспомнимъ, что славянская птица. потка—по-литовски *paikštis*, отъ одного корня *pot*, *pat*. Ср. литовск. *pirstas*, персть, но въ латышскомъ со вставнымъ *k*: *pirksts*; ср. прусское *tusimtons* и литовск. *tukstantis*—тысяча.

Таковы наши мысли объ *этиологическомъ* значеніи современныхъ главныхъ гидрографическихъ именъ въ болотной Минской губерніи и ближайшихъ частей отъ с.-в. смежныхъ, именъ въ области озеръ, то-есть, оформившихся, вошедшихъ въ берега давнихъ болотъ, и рѣкъ — системъ верхнихъ Двины, Нѣмана и Днѣпра, поскольку, послѣдній представляется Березиной и лѣвою стороною Припяти. Относительно Припяти прибавимъ, что притокъ Припяти справа, близъ впаденія, *Митва* (ниже Мозыря), цѣликомъ переносить насъ въ Литву и дважды — въ Ковенскую губернію, гдѣ Митва — притокъ Нѣмана, впадающій у Юрбурга, и въ Курляндію, гдѣ города Митавы. Въ словарѣ Спрогиса: Митува, Митавя, рѣчки. Древнѣйшее извѣстіе о гор. Митавѣ изъ конца XIII вѣка и въ формѣ *Mytowe*—въ лифляндской хроникѣ ¹⁾).

Озера, рѣки свидѣтельствуютъ о литовскомъ нѣкогда этнографическомъ характерѣ центральной бѣлорусской области—Минской губерніи, вскрываютъ передъ нами литовскую фizioномію грандіознаго края болотъ, изъ эпохи доисторической. Привлекавшіяся мѣстами смежныя Виленская и Витебская губерніи и сейчасъ не потеряли всецѣло своихъ правъ на свою принадлежность къ территоріи Литвы. Бѣлорусскій край—славянскій, но крещенъ отъ литовца; литовецъ былъ нѣкогда хозяиномъ и въ болотахъ Припяти и на востокъ къ Днѣпру, къ устью Березины. Мѣстами гидрографическія имена *буквально* воспроизводятъ литовское слово.

Какъ ни странно на первый взглядъ это наше утвержденіе, но оно имѣетъ за себя, гдѣ сильнѣе, гдѣ слабѣе, языкъ земли, свидѣтеля безпристрастнаго. Не скрываемъ, — въ нашихъ доводахъ то или другое можетъ оказаться и недостаточнымъ; но думаемъ, будущіе изслѣдователи устранять недочеты и обоснують нашу гипотезу прочнѣе.

¹⁾ *Magasin herausgegeben von der Littisch-Litter. Gesellschaft*, XIX, 4 Stück, (Mitau, 1896), p. 329. Въ той рѣчованной хроникѣ читаемъ: „Daz hūz Mytowe genant und liet vor Semegalleh lant“. Имя латыши Митаву называютъ Jelgawa, словомъ, вѣроятно, ливскаго происхожденія, какъ полагаетъ ученый предсѣдатель того общества, г. Сакрановичъ (*ibid.*, p. 334). Но едва ли онъ правъ когда онъ въ имени Митавя видитъ старонѣмецкое слово *Miete*—амбаръ. Противъ него распространенность имени въ гидрографіи.

Строго говоря, въ нашей гипотезѣ нѣтъ ничего рѣзко новаго: она—лишь естественное, болѣе расширенное пониманіе того мирнаго ассимиляціоннаго процесса, который совершается и на нашихъ глазахъ въ этнографически литовскихъ частяхъ Виленской губерніи,— процесса отступленія литовской стихіи по направленію къ сѣверу. На югѣ ассимиляція была для литовской стихіи отрицательнаго характера; но на сѣверѣ параллельно развивалась ассимиляція положительнаго характера: здѣсь латышь все ассимилировалъ финскій элементъ, пока не вогналъ его въ самыя волны Балтійскаго моря. Указанный процессъ племеннаго на югѣ объединенія обоехъ арийцевъ открылъ свои дѣйствія не вчера, а отъ вѣка, отъ болотъ Смерти—Припяти; но только наше время успѣло точно усмотрѣть его на позднѣйшемъ этапѣ и зарегистрировать на картѣ.

Если принять во вниманіе исчезнувшихъ, то-есть, выражаясь терминомъ исторической этнографіи, ассимилировавшихся литовцевъ юго-запада или ятвяговъ (ихъ остатки—литва Сувалкской губерніи, и память о нихъ довольно жива въ Минской губерніи, въ этнологической поговоркѣ: „литвинъ якъ линь, ятвяжъ якъ ежъ, половець—окунецъ)¹⁾, то къ территоріи доисторической Литвы необходимо отчислить и области нынѣшней Гродненской губерніи. Не даромъ же, не случайно главный городъ этой губерніи, и онъ одинъ, сегодня даже извѣстенъ литовцамъ въ ихъ литовской формѣ—*Gardas*, то-есть, Городъ: нашъ географическій (собственно польскій) не болѣе, вѣроятно, какъ переводъ литовскаго.

Такимъ образомъ, территорія доисторической Литвы границами своими имѣла бы: съ юга—сѣверный бассейнъ Припяти (имя самое Припять не обозначаетъ ли границы, межи—онъ корня *па* въ глаголахъ *па—ти—obstaculum?*), съ востока—бассейнъ Березины, а съ запада—верховье Наревы а, пожалуй, съ Западнаго Буга.

4.

Но, какъ быть тогда, скажутъ намъ, если мы спускаемъ доисторическую Литву такъ далеко на югъ, въ болота Минской губерніи, съ нашими дреговичами, которые, по Нестору, занимали какъ разъ

¹⁾ *Татуръ*, „Очеркъ археологическихъ памятниковъ Минской губерніи“ (Минскъ, 1892), стр. 241, изъ Тышкевича: „*Badania archeologiczne*“. Замѣчательная поговорка; о народахъ столь ранняго времени говоритъ она, какъ будто о жившихъ вчера

эту область, которые въ числѣ немногихъ другихъ подчеркиваются нашимъ лѣтописцемъ, какъ исключительно „словѣнскъ языкъ на Русь“?..

Для отвѣта отиѣтимъ два обстоятельства:

1) И лѣтопись сама не возражаетъ намъ во взглядѣ на дреговичей, какъ на славянскихъ пришлецовъ, колонистовъ, слѣдовательно, зашедшихъ въ землю, первоначально чужую: „друзиѣ (при общемъ колонизаціонномъ движеніи съ юга) сѣдоша межю Принятью и Двиною и нарекошася *дреговичи*“. Но почему и отъ кого они такъ странно нарекошася? Если другая колонна славянскихъ колонистовъ назвалась полочанами, то сама лѣтопись указываетъ, что по рѣкѣ такъ называлась — „рѣчки ради Полоты“. Но дреговичи отъ чего — не указывается. Но мы подходимъ ко второму обстоятельству.

2) Имя дреговичи, непонятнаго происхожденія, лучше всего выясняется именно изъ литовскаго языка: прилагательное *drėgnas*, — а, или *drėgnis*, — i, значитъ влажный, сырой, — глаголь *drėkstu*, *drėkti* сырѣть, дѣлаться влажнымъ; сюда и недостаточный глаголь *derk—ti*, *dergia stūrmend gegnen*. Латышскій не отстаетъ отъ литовскаго своими *drėhyns*, сырой, *drėhys*, оттепель. Литовскій языкъ предлагаетъ цѣлое гнѣздо словъ отъ корня *drey*.

То-есть, славяно-русскіе колонисты застали между Принятью и Двиною литовцевъ, которые на своемъ языкѣ прозывались обитателями сырыхъ, болотныхъ равнинъ и, покоривъ ихъ, смѣшавшись съ ними, какъ латыши въ Курляндіи VIII вѣка, унаслѣдовали отъ нихъ для себя и ихъ національное имя. Вѣроятно, съ этимъ литовскимъ прозвищемъ они стали слыть сначала у родныхъ сосѣдей, а потомъ усвоили его и для себя сами. Быть можетъ, не случайно, что и нынѣшнее этимологическое названіе литовцевъ — *Lėtuwā*, *Lėtūwis*, семантикологически родственно съ именемъ дреговичей, связывавсь съ корнемъ *li* въ нашемъ *литъ*, литовскомъ *lytūs*, дождь.

Но, скажутъ далѣе, вѣдь Березина, главные притоки которой носятъ литовскія имена или имена неяснаго происхожденія, чисто славянское слово... Но и здѣсь мы скорѣй имѣемъ дѣло съ сближеннымъ литовскимъ словомъ.

Мы видѣли выше, въ обзорѣ озеръ, что Березина вытекаетъ изъ озера Пелика, имя котораго носить слѣды латышскаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ странно: славянскія рѣки изъ неславянскаго озера. Для разрѣшенія этой странности естественно предположить, что и

сама Березина носила нѣкогда литовское имя, и только позже оно осмыслилось славянами.

Въ виду литовскаго *beržina*, березовый лѣсъ, отъ *beržis*, береза, можно думать, что въ основѣ имени Березины лежитъ близко звучащее и родственное литовское названіе для березы. Примѣненіе именъ деревъ мы имѣли выше.

Возможно и другое этимологическое сближеніе. Въ томъ же обзорѣ озеръ мы видѣли озеро Берешта, близкое къ озеру Пеликъ, съ рѣчкой того же имени. Мы видѣли также, что это гидрографическое имя распространено и въ Ковенской губерніи и также для названія рѣкъ: Бершта, Берштѣ-упѣ и др. Изъ литовскаго языка это имя—Бершта, Берешта—обозначало бы блестящую рѣчку — явленіе, какъ мы видѣли, не единичное. Въ виду этого, не скрывается ли въ нынѣшнемъ имени Березины литовское имя, близко звучащее съ именемъ рѣкъ Бершта, Берешта? Позднѣйшее осмысленіе дало бы Березину.

Такимъ образомъ, этнографическая картина поселеній болотной территоріи дреговичей въ раннюю историческую эпоху или позднюю доисторическую представляла бы такой же характеръ, какой современная историческая этнографія утверждаетъ за нынѣшней Курляндіей. этого, на первый взглядъ, пралатышскаго края, къ половинѣ XIII столѣтія. Предъ нами была бы картина смѣшаннаго населенія—славянскаго и литовскаго. Какъ въ Курляндіи чѣмъ дальше, тѣмъ ярче край окрашивался латышскою стихіей и суживалось пространство жилищъ аборигена—лива, пока онъ не получилъ формы микроскопической береговой полоски, вотъ-вотъ имѣющей исчезнуть совсѣмъ; такъ и въ трясиномъ пространствѣ дреговичей и далѣе къ сѣверу чѣмъ дальше, тѣмъ больше смѣшанный характеръ поселеній превращался въ однообразный, литовскій элементъ ассимилировался славянскому, пока, наконецъ, онъ, въ сѣверныхъ частяхъ Виленской губерніи, не принялъ формы узкой и постоянно суживающейся полосы.

Территорія доисторической Литвы, это—страна, о которой можно сказать словами латышской пѣсни:

„Purvā man bischu dārss,
Purvā gōvu laidaritis“, то-есть,

среди *болотъ* мой садикъ съ пчелами, среди *болотъ* и мой скотный хлѣвъ.

Алекс. Нечубинскій.